

Өзөрһөү гетекһиһ

Елена Логанова

ПОДАРОК
ВСЕМ
ЧИТАТЕЛЯМ!
Тест от автора
«Счастливы
ли вы в
браке?»

Брак
со стихийным
бедствием

Елена и Ирка

Елена Логунова

Брак со стихийным бедствием

«ЭКСМО»

Логунова Е. И.

Брак со стихийным бедствием / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
— (Елена и Ирка)

С утра пораньше Ленину квартиру посетила какая-то подозрительная девица и полезла обниматься к ее мужу Коляну. Как выяснилось, она перепутала его с соседом сверху по прозвищу Балда, который тем же утром досрочно отправился на тот свет! Продолжение этой дурацкой истории поджидало Лену в приморском пансионате, куда она с семьей приехала отдыхать. Там тоже появилась эта особа! Неужели у нее с Коляном что-то есть? Но Лена ошиблась: девица бросилась в море со Скалы Ревнивицы, последовав примеру героини легенды. Или ее толкнул какой-то другой ревнивец?

Содержание

1	5
2	17
3	33
4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена Логунова

Брак со стихийным бедствием

1

– Мамочка! Ну, мамочка! Проснись!

Я вспомнила, что мамочка – это я, и с трудом разлепила ресницы. В полумраке над мной нависла некрупная фигура трехлетнего ребенка – моего собственного сынишки Масяни. Ребенок терпеливо дождался, пока я его узнаю, и, не ответив на мою вымученную улыбку, очень серьезно спросил:

– Мамочка, а почему ты не бегемот?

– Э-э-э, видишь ли...

Я замолчала, не зная, что сказать. Ответить тем не менее было нужно. Ребенок не поленился подняться на рассвете, значит, его по-настоящему глубоко волнует этот, прямо скажем, непростой вопрос.

– Как-то не сложилось, – немного виновато пробормотала я.

– Не задалась карьера бегемота! – сдавленно захихикал из-под одеяла Колян, притворявшийся спящим, чтобы самому не нарваться спозаранку на какой-нибудь каверзный детский вопрос. – А жаль! Представь, Кыся, ты – бегемот! Блаженно жмурясь и похрюкивая от удовольствия, лежишь в мутной теплой луже и прищуренными бегемотьими глазками любишься родными африканскими видами!

– Звучит заманчиво! – согласилась я, нечеловеческим усилием воли выбрасывая себя из постели.

Вчера мы с Коляном легли спать очень поздно, я не выспалась и с удовольствием полежала бы где угодно. Например, в теплой африканской луже.

Я прошлепала в ванную и там узнала, что древние китайцы были в высшей степени правы, когда придумали афоризм «Бойтесь своих желаний, ибо они могут сбыться»! Оказывается, я совершенно напрасно сожалела об отсутствии поблизости теплой лужи. Лужа была! Она образовалась на кафельном полу из воды, в большом количестве просочившейся с потолка. Причем капель еще не закончилась и лужа продолжала увеличиваться.

Я машинально потрогала воду ногой – теплая. Будь я бегемотом, была бы довольна!

– Радуйся – ты накликать! – с претензией сказала я, вернувшись в комнату. – Набалдашкин снова нас затопил!

– Опя-ать?! – Колян заворочался и выбрался из-под одеяла, всклокоченный, помятый и злой, как весенний мишка. – Ну, сейчас я ему покажу!

Натягивая джинсы, муж прыгал по комнате на одной ноге и в такт прыжкам приговаривал:

– Я сейчас... Пойду к Балде... Надаю ему... По балде!

Масяня, которому понравился папин нехитрый стишок, радостно засмеялся и тоже запрыгал на одной ножке.

– «Балде – по балде» – это плохая рифма, – покритиковала я.

– Зато хорошая педагогика! – сердито ответил Колян. – Ну, в самом-то деле, пора уже надавать этому охلامону воспитательных оплеух!

Спорить я не стала. Игорь Набалдашкин, за глаза называемый Балдой, – это наш сосед сверху. Молодой мужик, занятый на серьезной работе в страховой компании, в быту проявляет себя как абсолютно асоциальная личность. Во-первых, он то и дело заливает нас водой из переполненной ванны. Во-вторых, врубает колонки своего домашнего кинотеатра на такую

мощность, что вибрируют стены. В-третьих, его простодушная подружка вытряхивает пыльные коврики и покрывала над головами прохожих. В-четвертых, в-пятых и в-шестых... В общем, идея дать Балде по одноименному органу мне понравилась. Я только жалела, что не увижу этого своими глазами, так как не смогу пойти с Коляном – Масянька не любит оставаться один и, оказавшись без приятной компании, поднимает такой ор, что стены трясутся не хуже чем от стереозвуков Балды. Кроме того, следовало заняться истреблением лужи, пока она не вступила в стадию весеннего разлива.

Благословив мужа на проведение небольшого воспитательного мордобоя, я включила компьютер и усадила Масю смотреть мультики, чтобы он не вздумал помогать мне в ванной. Сама же засучила рукава, закатала штанины пижамы и пошла сражаться с водной стихией.

С потолка все еще текло, так что мое противопаводковое мероприятие здорово смахивало на труды Сизифа. Утешало только то, что мы, в отличие от бестолкового Балды, никого не зальем. Хотя под нами есть еще один этаж, он не жилой. В высоком цоколе расположены кладовки, по одной на каждую квартиру в доме.

Не успела я толком осушить болото, образовавшееся в ванной, как вернулся Колян. Физиономия у него была задумчивая. Это меня удивило. Неужто один-единственный короткий сеанс воспитательного рукоприкладства настроил супруга на философский лад?

– Размышляешь над проблемами педагогики? – колко спросила я.

– Что? – Он с трудом очнулся от раздумий. – А, нет...

– Так в чем же дело? – я начала сердиться и грубить. – Ты провел разъяснительную работу с Балдой? Дал этому придурку по голове или нет?

– Нет, – коротко ответил Колян.

– Почему?

Пауза. Муж в глубокой задумчивости уставился на телефон, закрепленный на стене прихожей как раз на уровне его глаз.

У моего любимого супруга гренадерский рост, почти два метра. Телефонный аппарат мы повесили так высоко только для того, чтобы до него не мог дотянуться Масяня. Однако ребенок уже умеет строить вавилоны из табуреток и, кроме того, быстро растет, так что я подумываю переместить телефон под самый потолок. Правда, тогда я сама буду вынуждена снимать трубку в прыжке, но ведь физкультурные упражнения полезны для здоровья...

Я спохватилась, что думаю не о том, и вернулась к теме разговора.

– Коля! Почему ты не дал Балде по балде?

Колян посмотрел на меня рассеянным взором и внушительно, но непонятно сказал:

– По причине отсутствия таковой!

Это заявление поставило меня в тупик. Пока я озадаченно молчала, пытаюсь сообразить, что там у кого отсутствовало, муж протянул руку к телефону, набрал знакомый номер и произнес в трубку:

– Серый, привет!

– Ждороф, Колян! – Лазарчук разговаривал с набитым ртом. – Што у ваш на этот раж? Што шушилошь?

Наш друг Сергей Лазарчук – капитан милиции. Оперативная работа наложила на него неизгладимый профессиональный отпечаток, и любой неожиданный звонок он по умолчанию считает сигналом бедствия.

– Серый, нас Балда затопил! – сунувшись поближе к трубке, обиженно сказала я.

– Опять будете просить меня призвать его к порядку? – почавкав и восстановив дикцию, вздохнул Лазарчук. – Слушайте, я вам уже десять раз объяснял: это не мой профиль! Звоните в РЭП и своему участковому! Я не спец по бытовым склокам, если только они не заканчиваются нанесением тяжких телесных повреждений!

– А сломанная шея – это достаточно тяжелое повреждение? – отодвинув меня от трубки, язвительно спросил Колян.

Лазарчук замолчал, у меня же с языка сорвалось:

– Коля, ты же собирался дать Балде по голове, а не по шее!

Тут до меня дошло, что эти слова слышит ответственный милицейский товарищ, и я поторопилась заткнуться, чтобы не подвести под монастырь любимого мужа. Даже если он пристукнул Набалдашкина, я буду на стороне супруга.

– Колян, я не понял, ты что, грохнул своего соседа? – недоверчиво спросил Серега.

– Мне очень хотелось это сделать, но обошлось без моего участия, – с легким сожалением признался тот. – Когда я поднялся к Балде для предметного разговора, он уже был наполовину там.

– Да говори ты толком! – Я вспыхнула раньше, чем профессионально терпеливый Лазарчук. – Что значит – был наполовину там? На полпути в мир иной? То есть его душа уже отлетала?

– Насчет души я ничего не знаю, а вот тело его осталось в квартире только наполовину, – ответил муж.

И добросовестно объяснил:

– В данный момент нижняя часть Балды свисает с подоконника в комнату, а верхняя торчит на улицу. Похоже, он выглянул из окна, оконная рама рухнула вниз, как нож гильотины, и перебила ему шею!

– Какая жуть! – ужаснулась я.

– Короче, я все понял, – скучно подытожил Лазарчук, не особенно уstraшенный душе-раздирающим рассказом Коляна. У нашего капитана выдержка, как у его любимого напитка – марочного коньяка. – У вас там в квартире наверху труп. Он один?

Колян немного подумал и рассудительно ответил:

– Не исключено, что там есть и другие трупы, но их я не видел!

– Я спрашиваю, есть ли в квартире кто-нибудь, кроме покойника? – Серега быстро терял спокойствие.

– Во всей квартире – не знаю, я там не разгуливал, а в кухне был только Балда, – сказал Колян. И добавил тихонько, чтобы не нервировать Лазарчука сверх необходимости: – И то не весь целиком, а только от шеи и ниже!

– А кто же тебе в таком случае дверь открыл? – Сыщик без труда заметил несоответствие.

– А никто! Она была открыта!

– Та-ак, очень хорошо, просто замечательно! – протянул Лазарчук таким тоном, что в сказанное им как-то не очень верилось. – Никуда не уходите, мы скоро будем.

Употребленное Серегой местоимение множественного числа ясно указывало на то, что он прибудет не один, и я подумала, что надо срочно наполнить и вскипятить чайник. Я сказала об этом Коляну, но он покачал головой:

– Вряд ли оперативники будут у нас чай гонять! Разве что после того, как соберут воедино куски головоломки.

– То есть соединят вместе тело и голову Балды? – Я вздрогнула, представив себе этот жуткий конструктор.

– Это тоже, – Колян тоже поежился. – Хотя под головоломкой я подразумевал не части тела Балды, а загадку его трагической гибели.

– Пожалуй, я все-таки поставлю чайник, что-то мне зябко стало!

Муж потопал за мной, многословно рассуждая:

– Конечно, не исключено, что Балда погиб в результате несчастного случая, но только как-то подозрительно все это выглядит! Мужик залез в ванну, пустил воду, пену взбил, как в пивной кружке, а потом почему-то выбрался из воды и голый, мокрый высунулся в окно!

– Может, он напустил в маленькое помещение ванной слишком много горячего пара и почувствовал удушье? – предположила я. – Поэтому срочно вылез из ванны, прошлепал в кухню и открыл окно, чтобы глотнуть свежего воздуха?

– Я бы скорее предположил, что он был дома не один, когда вздумал принять ванну, – сказал Колян. – А уже купаясь, услышал стук закрываемой двери и поторопился выглянуть в окно, чтобы окликнуть уходящего!

– Он не мог увидеть уходящего в окно кухни! Подъездная дверь на противоположной стороне дома! – напомнила я. – Под кухонным окном у Балды площадка для сушки белья, и она с трех сторон закрыта заборчиком!

– Может, он уже в ванной запоздало спохватился, что не взял с собой чистое полотенце? – Колян почесал в затылке. – И выглянул из кухонного окна на площадку, чтобы попытаться снять подходящее прямо с веревки?

Я уже собралась раскритиковать и эту версию, но тут из комнаты донесся зычный глас Масяни. Ребенок досмотрел мультики и требовал, чтобы папа поиграл с ним в компьютерную игру. Папа послушно пошел развлекать потомка, а я спохватилась, что пора кормить семейство завтраком.

Полуфабрикатные блинчики с мясом разморозились, подрумянились и уже были почти съедены, когда в нашу дверь громко и решительно постучали. Опрокинув табуретку, я ринулась в прихожую и открыла дверь. На лестничной площадке стоял капитан Лазарчук. Физиономия у него была недовольная, и никакой радости от нашей с ним неурочной встречи на ней не читалось.

– Мы уже здесь, – сурово сказал Серега. – Не вздумайте никуда уходить, мы еще будем с вами беседовать!

С этими словами он затопал вверх по лестнице, а я вернулась в кухню, забыв запереть дверь. Стала энергично мыть посуду и едва не расколотила чашку – очень уж рассердилась на Лазарчука! Разговаривает с нами, как с подозреваемыми! Как будто не знает нас с Коляном! Разве мы могли бы кого-то убить? Мы добрые, мирные и культурные люди, мухи не обидим!

Тут я вспомнила, как злобно науськивала своего мирного и культурного мужа поколотить соседа, имевшего несчастье нас затопить, и мне стало стыдно. Однако обида на нечуткого Лазарчука осталась, и я не поспешила в прихожую, когда в дверь снова коротко и решительно постучали.

– Кыся, открой! – крикнула я мужу.

Колян прошлепал в прихожую, распахнул дверь, но сурового капитанского голоса я не слышала. То ли Серега общался с Коляном на языке жестов, то ли они обменивались мыслями. Или устроили минуту молчания, чтобы почтить память усопшего Балды?

Заинтригованная, я вышла в прихожую и ахнула. Никакого Лазарчука там не было и в помине, зато имелась незнакомая девица развратного вида и явно легкого поведения! Она висела у Коляна на шее, как оригинальный медальон.

Я грозно нахмурилась и уперла руки в бока. Колян поверх лохматой белобрысой головы девицы поймал мой взгляд и тряхнул шеей, как лошадь, которой не нравится, что ее захомутали. Девица сползла ниже и повисла на свитере моего мужа, цепляясь за вязаное полотно акриловыми когтями.

– Кх-гм! – громко кашлянула я.

Девица-липучка съехала вниз, встала на ноги, обернулась ко мне и... тоже уперла руки в бока!

Будь незваная гостя повыше ростом и постройней, я могла бы подумать, что смотрюсь в зеркало – так похожи были наши позы и мины!

– Милый, кто это?! – блондинка прищурилась, словно я была насекомым, разглядеть которое без мощной увеличительной оптики крайне трудно.

Нахалка перехватила мою реплику, и я не нашлась, что сказать. Только окинула ее высокомерным взглядом с белобрысой макушки до подкованных каблучков. Это меня ничуть не затруднило: с головы до ног в блондинке было не больше полутора метров. Маленькая, крепенькая, местами чрезвычайно круто изогнутая и глазастая, как соенок, она напоминала персонаж японского мультфильма, картинку в стиле «анимэ».

Взглядом тяжелым и обжигающим, как раскаленный утюг, я прошла по организму девицы и напоследок крепко прижгла ей мозоли. Странно, что паркет не задымился! Однако мой умный муж понял, что запахло паленым, и поспешил заявить:

– Кыся, я не знаю эту женщину!

– Я тоже ее не знаю, – сказала я, стараясь говорить спокойно. – Приятно, что у нас с тобой по-прежнему много общего!

– Например, ребенок! – поддакнул Колян. – Масынька, ты где?

Я холодно усмехнулась, разгадав простую хитрость супруга. Он позвал сынишку, точно зная, что при ребенке я не буду поднимать крик, драться, царапаться и употреблять непарламентские выражения.

– Какой ребенок? – Белобрысая нахалка удивленно приоткрыла рот.

– Вот этот! – ответил Колян, приветливо улыбнувшись сынишке, резво прибежавшему на родительский зов.

– Одну секундочку! – деловито сказала блондинка, с трудом засовывая руку в кармашек тесных штанишек.

Она вытянула оттуда бумажку и прочитала:

– Это улица Озерная, десять, квартира восемь?

– Девушка, вы ошиблись адресом! – обрадовался Колян.

Он подхватил на руки Масыню и громко, отчетливо и очень, очень ласково сказал мне, словно я была глухой, тупой и припадочной:

– Кыся, девушка ошиблась адресом!

Я облегченно вздохнула. Меня уже отпустило, и я поняла, что именно ввело в заблуждение безмозглую девицу-анимэ:

– Дорогуша, вы приняли цокольный этаж за первый и промахнулись! Восьмая квартира наверху, над нами!

– Серьезно? Ну, тогда я дико извиняюсь! – без тени раскаяния в голосе сказала блондинка, протискиваясь в открытую дверь мимо коленок моего высокорослого супруга.

Мы с Коляном переглянулись. Рукой, свободной от малыша, муж размашисто перекрестился и захлопнул дверь.

– Фу-у-у! – сказал он. – Я почти испугался! Когда ты посмотрела на меня, как Ленин на буржуазию, я уж думал – никогда не смогу убедить тебя, что не знаю эту особу и знать не хочу!

– Хочу конфету! – сообщил Масыня, вычленивший из эмоциональной папиной речи один-единственный глагол.

– Кыся, ты же у меня лучше всех! – с преувеличенным чувством говорил Колян. – Я никогда не променяю тебя на такую финтифлюшку! Даже на сто таких финтифлюшек!

– Хочу сто конфет! – заявил Масыня, подхватив в пару глаголу подходящее числительное.

– Кыся, что же ты молчишь? – забеспокоился заботливый супруг. – Ты расстроилась?

– Что? – я наконец услышала, что со мной разговаривают. – Нет, я не расстроилась. Я задумалась.

– О чем?

– О том, что прямо над нами, в восьмой квартире, живет Набалдашкин! То есть жил! И, стало быть, это именно он – ее милый! – Я ланью прыгнула вперед. – Живо открой дверь!

Колян повиновался, я босиком выскочила на лестничную площадку и, даже не замечая, что голый цементный пол леденит ноги, устремила взгляд в потолок. Точнее, в бетонное перекрытие между этажами.

Подкованные каблукы завершили подъем по лестнице и решительно процокали у меня над головой.

– Тук-тук! – смелая девица по-хозяйски постучала в стальную дверь восьмой квартиры.

Похоже, дверь по-прежнему не была заперта, потому что характерного лязга открываемого замка я не услышала, только легкий скрип дверных петель, а потом – не в меру радостный возглас девицы:

– Милый!

И сразу же второй возглас, уже не столь радостный:

– Милый, кто это?!

– Уголовный розыск! – басом ответил «милый», а потом дверь восьмой квартиры захлопнулась с победным лязгом, который издает успешно сработавшая мышеловка.

Я вернулась в квартиру, беззвучно притворила за собой дверь, устало присела на тумбочку с обувью и посмотрелась в большое зеркало. Из его серебристых глубин на меня удивленно и недоверчиво таращилась симпатичная, но неумытая и непричесанная особа.

Краем сознания я отметила, что перед неизбежной беседой с операми не мешало бы привести себя в порядок, но не двинулась с места. Не обратила внимания даже на подозрительное шуршание, доносящееся из кухни. Похоже, любящий папочка все-таки выдал Масяне затребованную сотню конфет. Зато теперь ребенок надолго занят.

– Кыся, ты не уснула? – выглянув в прихожую, позвал меня Колян.

– Нет.

– А почему торчишь тут, как церковный ящик для пожертвований?

Это оригинальное сравнение меня заинтересовало.

– Что у меня общего с церковным ящиком для пожертвований?

– Вот эта твоя глубокомысленная складочка между бровями здорово похожа на прорезь копилки! – объяснил Колян. – Так и хочется опустить туда монетку! Дзинь!

– Дзинь-дзинь! – с готовностью продолжил музыкальную тему телефонный аппарат.

Колян протянул руку и, не снимая трубку, включил громкую связь.

– Эй, ну в чем дело? Где вы? – обиженно заголосил телефон голосом моей лучшей подруги. – Мы ждем, ждем, а вас все нет и нет! Вы что, забыли, что мы едем к морю? Или вы все-таки решили остаться в городе, потому что хотите сходить в кино на просмотр модного ужастика? Ау, отвечайте!

Иркина манера задавать вопросы списком довольно утомительна, но отвязаться от моей подруженьки совершенно невозможно. Я вздохнула и возвысила голос:

– Отвечаю на вопросы в порядке их поступления! Дело в том, что нынче утром наш сосед сверху затопил нас и умер, поэтому мы сидим дома и ждем, пока нас допросят оперативники. Ужастик мы смотреть не хотим, нам реальных кошмаров хватает. А про море мы не забыли, то есть вчера вечером еще помнили, даже вещи собрали...

– По-твоему, это ответ?! – перебила меня взволнованная Ирка. – «Сосед сверху затопил нас и умер!» Я совершенно не поняла, какова последовательность событий! Он сначала умер, а потом вас затопил? Или сначала затопил, а потом уже умер? Или умер именно потому, что черт знает в который раз вас затопил, и вы решили раз и навсегда с этим покончить?

– Ты обалдела? – Я изумленно посмотрела на Коляна, призывая его в свидетели Иркиного возмутительного обалдения. – Неужто мы стали бы его убивать?

– Это как раз объяснило бы, почему вас будут допрашивать оперативники! – уже спокойнее заметила моя подруга. – Так, значит, вы не причастны к смерти соседа?

– Нет! – в два голоса ответили мы.

– И с вас не взяли подписку о невыезде?

– Пока нет!

– В таком случае что же нам мешает провести прекрасный уик-энд у моря?

– Пожалуй, ничто! – разулыбался Колян.

– Во всяком случае, не скорбь о безвременно усопшем Набалдашкине, – пробормотала я.

– Значит, все в порядке! – Ирка бурно обрадовалась и на душевном подъеме деловитой скороговоркой выдала инструкции: – Мы больше не будем ждать, лучше сами за вами заедем, сидите на чемоданах, мы скоро будем, не затягивайте общение с ментами!

– «С ментами»! – обиженно повторил Лазарчук, открывший дверь как раз под последние слова моей подруги. – Кто бы знал, как мне надоело это глупое и оскорбительное словечко!

Капитан вошел в прихожую, бесцеремонно ткнул меня пальцем в диафрагму и потребовал:

– Вот ты у нас дипломированный филолог! Объясни мне, почему – «мент»? Неужели от слова «ментол»? Чувствую себя сродни мятной жвачке!

– Ну, ты не настолько свеж! – справедливо, но бестактно заметил Колян.

– Скорее, я предположила бы, что слово «мент» происходит от слова «ментор», что означает «наставник». – Я мудро разрешила лингвистическую загадку так, чтобы польстить угрюмому Лазарчуку.

– Или от слова «менталитет», что означает «сознание»! – Колян вновь влез непрошеным. – Тогда получается, что мент – это наиболее сознательный член общества!

– Послушайте, а нельзя ли что-нибудь придумать, чтобы обойтись без сомнительного слова «член»? – Лазарчук снова напрягся.

– Можно! – Я больно ткнула недипломатичного супруга локтем в бок и выпихнула его в комнату. Лазарчук прошел туда же, не дожидаясь приглашения. – Можно считать слово «мент» производным от слова «ментик», что означает...

– Мент, младший по званию! – весело хрюкнул не в меру остроумный Колян.

– Ментик – это мундир гусара! – с нажимом сказала я, за спиной сердитого Сереги показав некстати развеселившемуся мужу кулак. – Ведь милиционеры, как и гусары, люди в форме!

– И тоже денег не берут! – захихикал Колян.

Лазарчук посмотрел на него тяжелым взором, вздохнул, покачал головой и язвительно сказал:

– У вас тут настоящий «Клуб веселых и находчивых»! Нашли труп – и веселитесь! И отчего это некоторым на их жизненном пути то и дело жмурики попадают? – Капитан обернулся и выразительно посмотрел на меня.

– Статистику знать надо! – не дрогнув, ответила я. – В нашей стране смертность существенно превышает рождаемость!

Лазарчук поднял брови, осмыслил мой неожиданный аргумент и неохотно кивнул:

– Действительно, принимать роды мне еще ни разу не доводилось, все больше к покойникам приезжаю...

Я довольно хмыкнула.

– Однако мы отвлеклись. Колян, пойдем, поговорим. – Серега снова взглянул на меня и насмешливо спросил: – Ты не против, мы уединимся?

– О, сколько угодно! Прошу сюда! – широким жестом я распахнула перед капитаном дверь детской. – За своего мужа я совершенно спокойна, он убежденный натурал!

– Заметь, Серега, в тебе Аленка не столь уверена! – съехидничал Колян. – Еще бы! Ты все время с мужиками да с мужиками – и днем, и ночью!

– Служба! Дни и ночи! – подхватив тему, с пафосом напела я.

Наш служивый друг-сыщик издал хриплый собачий рык и уволок хохочущего свидетеля в другую комнату, как волк телянка – сравнение навеяла соответствующая разница в габаритах Сереги и Коляна.

Закрыв за мужиками дверь, я прошла в кухню, чтобы посмотреть, чем занят ребенок.

Масяня получил от чрезмерно доброго папы в свое единоличное распоряжение килограммовый кулек конфет – сто их там было или меньше, уже не представлялось возможным выяснить. К моменту моей инспекторской проверки ребенок все до единой конфеты развернул, часть их съел, а что не съел – сложил аккуратной горкой посреди стола. Оказывается, конфеты Маше нужны были не столько для еды, сколько для творческой работы. Забравшись с табуретки на широкий подоконник, малыш старательно заталкивал фантики в щели между пластинами жалюзи.

– Ой, Колюша, что это? – спросила я.

– Красота необыкновенная! – очень серьезно ответил малыш и требовательно посмотрел на меня, ожидая похвалы.

Пришлось согласиться, что разноцветные бумажные язычки очень украсили скучные белые шторы. Маша остался маминной реакцией очень доволен и выразил желание оживить интерьер пищеблока путем размещения в нем множества машинок, кубиков и мягких игрушек. Я благословила труды юного дизайнера, только попросила не бросать мелкую плюшевую живность в кастрюлю с борщом. Маша данное условие великодушно принял и пошел в свою комнату за игрушками.

Я потихоньку подкралась к открытой ребенком двери детской и послушала, о чем говорят Серега и Колян. Ничего нового я не услышала. Направляемый точными вопросами Лазарчука, муж добросовестно, в деталях пересказывал драматические события сегодняшнего утра и как раз дошел до описания чувств, которые вызвал у него вид голого и мокрого Набалдашкина, насмерть пристукнутого оконной рамой.

– Уж поверь мне, это было мерзкое зрелище! – сказал он. – Волосатые ноги, дряблая задница и спина в жирных складках! Балде еще тридцати не было, а он так безобразно разжирел на сидячей работе!

Описанная Коляном картина была совсем не эротична, но я вдруг поняла, что должна это увидеть. Не для того, чтобы дать пищу своим ночным кошмарам, а чтобы лучше понять, что произошло. Я ведь не успокоюсь, пока не узнаю, какая-то драма стряслась в квартире наверху, а от Лазарчука никаких объяснений не дождешься!

В восьмой квартире продолжала работать опергруппа, так что соваться туда смысла не было. Крайне маловероятно, что коллеги Лазарчука будут столь любезны, что организуют для меня небольшую экскурсию по местам жизни и смерти Игоря Набалдашкина. Значит, надо, пока не поздно, сбегать на бельевую площадку и посмотреть хотя бы на верхнюю половину Балды.

Машенька был занят делом и временно не нуждался в моем присутствии, Серега с Коляном – тем более. Я наконец-то сменила пижаму на нормальный наряд – джинсы и майку, сунула ноги в шлепки и тихонько выскользнула из квартиры.

На лестнице я никого не встретила, во дворе тоже было пусто. Половина восьмого – весьма ранний час для субботнего утра, нормальные люди в это время, как правило, еще спят. Я свернула за угол дома и остановилась перед заборчиком из старомодных кроватных спинок.

Эта бельевая площадка – далеко не самое посещаемое место в нашем дворе. Ею пользуются в основном одинокие бабули, у которых нет современных стиральных машин с отжимом и сушкой, да еще наша няня вывешивает на веревки детское белье, если приходится организовать экстренную ручную стирку.

Площадка примыкает к торцу нашей двухэтажки, с двух сторон ее ограждают вольно разросшиеся кусты, а с третьей – тот самый кроватный заборчик. Он был сооружен, чтобы на

корню пресечь желание автовладельцев парковать свои машины на удобном забетонированном пяточке. Высота ограды не превышает семидесяти сантиметров, так что я легко могла ее перешагнуть, и сделала это без раздумий.

Ни одна из наших бабулек еще не успела спроворить постирушку, так что крупноразмерного белья на веревках пока не было, только Масины майка и трусики, забытые с вечера, флажками трепетали на ветру.

В отсутствие простынь и пододеяльников ничто не закрывало вид на интересующее меня окно второго этажа. Однако ожидаемого жуткого зрелища я не увидела. Окно набалдашкинской кухни, правда, было открыто, но голова покойника из него не торчала.

Я разочарованно вздохнула и уже хотела уйти, как вдруг из другого окна высунулась, извините за выражение, задница!

– Вот это номер! – ахнула я.

Поскольку я заранее настроилась увидеть в окне фрагмент Набалдашкина, мне пришло в голову, что это именно его филей выдвинулся на свежий воздух. Я только не поняла, как случилось, что мертвое тело переместилось из кухни в дальнюю комнату и там совершило оригинальный акробатический этюд? И зачем, собственно, покойник заткнул окно собственным задом?! Неужто для борьбы со сквозняком, мешающим работе опергруппы?! Мысль была совершенно бредовая.

Тут я заметила, что круглая крепкая попа, явление которой поразило мое воображение, не является ни голой, ни мертвой: она энергично двигалась, и вскоре за окно свесились две крепкие ноги, заканчивающиеся подкованными каблуками. Обувь я узнала и поняла, что в окно задом наперед лезет та самая белобрысая девица, которая никак не могла определиться, где живет ее милый и кто он вообще такой.

Я отступила на пару шагов и спряталась в кустах, продолжая наблюдать за физкультурницей, повисшей на подоконнике. Губы мои сами собой расползли в насмешливой улыбке. Она была адресована операм и лично капитану Лазарчуку.

Происходящее было понятно мне без объяснений. Я своими ушами слышала, как друзья-товарищи Лазарчука впустили девицу, блуждавшую по этажам в поисках утраченного милого, в восьмую квартиру. Разумеется, ее не отпустили просто так, задержали для предметного разговора. А чтобы не мешала, заперли в дальней комнате!

Я сдавленно хихикнула. У нас с покойным Набалдашкиным квартиры одинаковой планировки, но за одним небольшим исключением. В дальней комнате, которая у нас является детской, мы, когда делали капитальный ремонт, замуровали одно из двух имевшихся окон. Оно там было совершенно ни к чему! Наш сосед сверху тоже так считал, только поленился возиться с кирпичами и штукатуркой, поступил проще: повесил «лишнее» окно плотным ковром. Лазарчук, который часто бывает у нас в гостях, точно знает, каково расположение дверей и окон в нашем жилище. Потому ему и в голову не пришло, что квартира над нами имеет какие-то отличия! В результате ушлая девица сбежала из-под стражи.

Первой на дорожку под окном с трехметровой высоты шмякнулась кожаная дамская сумка в модном посконно-сермяжном стиле. Застежек на торбе не было, она затягивалась каким-то грубым вервием, и от удара о землю из горловины сумы сама собой, как лягушка-поскакушка, выпрыгнула круглая блестящая коробочка.

Затем состоялся собственно побег. Повисев немного на руках, девица отважно спрыгнула вниз, и так удачно, что при этом не сломала ни ноги, ни каблуки. Задерживаться под окном она не стала, едва выпрямившись и восстановив равновесие, сразу же сцапала сумку, выскочившую из нее коробочку и с дробным топотом побежала прочь. На ходу она раскрыла эту штуковину, которую я приняла за пудреницу, и приложила ее к уху. Ага, так это никакая не пудреница, а мобильный телефончик сугубо дамского дизайна!

Я сдержанно позавидовала модной барышне, но не стала ее задерживать – не мое это дело! То есть, не буду врать, мне нередко случается лезть куда не просили и заниматься чужими делами, но активно помогать вредному Лазарчуку я не стану. Пусть сам догоняет свою беглянку! Кроме того, я уважаю в людях характер и предприимчивость, поэтому не буду препятствовать барышне, столь ловко перехитрившей профессиональных сыщиков.

Белобрысая девица шустро ускакала в одну сторону, а я направилась в другую, но, разворачиваясь, краем глаза заметила на площадке какую-то маленькую блестящую штучку.

Я подошла поближе, наклонилась и подняла маленький кружок из желтого металла размером чуть меньше десятикопеечной монеты. На одной стороне диска был оттиснут рисунок – аккуратная спираль, похожая на стилизованное изображение панциря улитки. На обороте диска имелся короткий, явно обломанный стерженек. Все-таки беглянка не ушла без потерь – сама того не заметив, рассталась с сережкой.

На глаз я не могла определить, из какого металла сделана безделушка. Сережка вполне могла оказаться золотой, так что выбрасывать ее было глупо. Догонять спасающуюся бегством девицу, крича ей в спину: «Девушка, постойте!» – не имело смысла. Ясно ведь, что она не остановится, наоборот, припустит так, что только подметки засверкают.

Я спрятала металлическую штучку в карман и пошла домой.

Моего недолгого отсутствия никто не заметил. Масяня, сосредоточенно пыхтя, расставлял по периметру кухни разноцветные произведения китайской игрушечной промышленности. Колян с Серегой все еще общались в детской, интерьер которой существенно пострадал в пользу кухни.

Я цапнула с полки первую попавшуюся книжку, бухнулась в кресло и притворилась, будто увлечена чтением. Очень вовремя: в дальней комнате тревожно запел мобильник, и через пару секунд мимо меня вихрем пронесся Лазарчук со злой-презлой физиономией. Я догадалась, что товарищи сообщили капитану об исчезновении девицы. Теперь-то уж точно эта ловкая особа станет в деле о гибели гражданина Набалдашкина подозреваемой номер один.

Такой расклад меня вполне устраивал. Во-первых, я не слишком симпатизировала нахалке, которая осмелилась страстно обнимать моего мужа и при этом называть его милым. Во-вторых, мне хотелось, чтобы Лазарчук и его команда отстали от нас, и мы наконец могли бы поехать на заслуженный отдых.

– А вот и я! – стукнув дверью, крикнула с порога Ирка.

– Тетя Ира! – обрадовался Масяня.

Он без промедления прискакал из кухни и первым делом требовательно спросил гостью:

– Что ты мне принесла?

В руках у подружки ничего не было, но она не растерялась и торжественно возвестила:

– Я принесла тебе радостную весть! Мы едем на море!

– На море, на море! Ура! – восторженно завопил ребенок. – Мамочка, где плавки?

– В сумке, – ответила я, приветствуя Ирку улыбкой.

– Мамочка, где сумка? – продолжал волноваться малыш.

– В комнате, под столом. Там и плавки, и формочки для песка, и все остальное, необходимое для качественного семейного отдыха.

– И папа ваш тоже в сумке? – удивилась Ирка.

У подружки явно не было сомнений в том, что для качественного семейного отдыха Колян нужен нам не меньше, чем плавки и формочки для песка. В принципе, я была с ней согласна.

– Папа наш не в сумке, он в шоке, – понизив голос, ответила я.

– Ах да, он же нашел этого... – Ирка вздвинула палец, указывая то ли на перекрытие, отделяющее нашу квартиру от соседской, то ли непосредственно на небеса, куда могла отлететь (а могла и не отлететь) душа Набалдашкина. – Ну, ничего! Мы быстро залечим его моральную травму! Ко-оля! Карета подана! Вперед, море ждет!

Пыхтя и сопя, как игрушечный паровозик, из комнаты выдвинулся Масыня, по собственной инициативе впрягшийся в большую сумку. Следом на полном автопилоте неторопливо шествовал Колян, глубоко погруженный в какие-то безрадостные думы. Я забрала у своего маленького помощника багаж, передала сумку Ирке, выпустила за дверь Масыню и подтолкнула к выходу медитирующего мужа.

Иркин супруг Моржик, ожидавший выхода пассажиров у своего роскошного «Пежо», помог нам погрузиться в машину, и уже через несколько минут мы катили к морю.

Ехали весело, с песнями и почти что плясками:

Тра-та-та, тра-та-та,
Мы везем с собой кота!
Чижика, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьянку, попугая
И мальчишку Николая!
Вот компания какая! —

горланил Масыня, от полноты чувств высоко подпрыгивая на заднем сиденье «Пежо» между мамочкой и тетей Ирой.

Компания поблагодарила юного певца бурными аплодисментами и пакетом чипсов. Хрустя картошкой, ребенок прослушал детскую сказку про ежика с многофункциональной палкой: то она у него выручалкой была, то поднималкой, то вытягалкой...

— Замечательно изобретательный ежик, мне бы такого, — завистливо сказала Ирка, покосившись на книжную обложку. Ее украшало изображение колючего зверька, воздевшего палку, как прыгун с шестом. — Я бы его к нам в фирму на работу взяла — менеджером в торговый зал!

У Ирки и Моржика свое небольшое, но процветающее дело — торговая компания, предлагающая семенной и посадочный материал, «Наше Семя» называется.

— У меня новые девчонки такие дуры, аж противно! — пожаловалась Ирка. — Уже октябрь на дворе, а они никак не могут продать елки! Говорят, как Новый год прошел, так на хвойные никакого спроса нет!

— А ежик тут при чем? — спросила я.

— Так он небось придумал бы, под каким соусом продать елки по окончании зимнего сезона! Можно, например, рекомендовать их для проведения работ по ландшафтному дизайну! Или как изумительное природное средство для обеззараживания воздуха! Или как сырье для хвойных ванн!

— Или как источник материала для траурных венков! — предложил Колян.

— Тоже ничего, — согласилась Ирка.

Упоминание похоронных принадлежностей напомнило ей об утреннем переполохе в нашем доме. Подружка потеснилась, помогая поудобнее устроиться засыпающему Масыне, и, понизив голос, спросила:

— Кстати, а что там с вашим соседом, Обалдуйкиным?

— Набалдашкиным, — поправила я.

— А с Набалдашкиным всё! — ответил Колян, выразительно рубанув себя ладонью по горлу.

— Ему голову отрезали? — ужаснулась моя болтливая подружка.

— Строго говоря, ему дали по шее.

— От этого не умирают! — возразила Ирка.

– Смотря как и чем дать, – не согласилась я. – Набалдашкина ударила по шее тяжелая оконная рама. Она неожиданно сорвалась вниз, когда он лежал животом на подоконнике и смотрел в окно.

– Кажется, она не сама по себе сорвалась, – уточнил Колян. – Серега сказал, похоже, что ее толкнули.

– А что еще сказал Серега? – заинтересовалась я.

Противный Лазарчук! Со мной он информацией никогда не делится, а Коляну, значит, поверяет тайны следствия! Что за дискриминация!

– Еще Серега сказал, что в пыли на чердаке обнаружены следы туфель на высоком каблуке.

– Точно, чердачное окно расположено как раз над кухней восьмой квартиры! – сообразила я. – Какой-нибудь подходящей палкой вполне можно было толкнуть раму вниз!

– Ух ты! – выдохнула Ирка. – Туфли на каблуке? Мужики в наших краях крайне редко носят обувь на шпильке. Выходит, этого вашего Забалденного баба замочила?!

– Набалдашкина, – терпеливо поправила я.

Ирка, однако, уже неслась дальше: от бабы, предположительно замочившей Набалдашкина, к реально состоявшемуся затоплению.

– А чем же покойник вас затопил? Неужто собственной кровью?! – заранее страхась ответа, ахнула она.

– Свят, свят, свят! – я перекрестилась. – Никакой не кровью, слава богу, обыкновенной водой из переполнившейся ванны!

– Он что, идиот был, сосед ваш? – немного подумав, спросила подруга. – Или алкоголик в стадии белой горячки? Перепутал, куда ему нырять – в ванну или в окно?

– Купаться! – не совсем в тему сонным голосом молвил Мاسяня. – Мама, где плавки?

– Здесь плавки, здесь, спи, милый! – сказала я.

– Послушайте, друзья, давайте настроимся на безмятежный отдых и забудем о трагической гибели гражданина Прибалдешкина! – предложил дотоле молчавший Моржик.

– Набалдашкина! – хором ответили ему я, Ирка и Колян.

Однако возражать против разумного предложения Моржика никто не стал, и мы всецело переключились на актуальную морскую тему.

Мы же не знали, что с трагической гибели гражданина Набалдашкина-Оболдуйкина-Забалденного-Прибалдешкина эта детективная история только началась!

2

– Может, спустимся в холл и поучаствуем в развлекательной программе? – предложила Ирка.

Она заглянула в красочный буклетик, который нам вручили сразу по прибытии в гостиницу, и мечтательно сказала:

– По плану сегодня в холле нашего корпуса с тринадцати до пятнадцати часов будет проводиться анимационное шоу с призами и подарками. Я очень люблю призы и подарки!

– Книга – лучший подарок! – объявил Моржик, развалившийся в просторном кресле, как тюлень на лежбище.

Сходство с симпатичным ластоногим благоверному моей любимой подруги придавали жесткие усы, которые он отпустил аккурат к отпуску, и резиновые ласты на ногах. Осваиваясь в гостиничном номере, Масыняк первым делом выбросил с балкона восьмого этажа резиновые шлепки дяди Моржика. До земли обувка не долетела, черные шлепки угодили в крону дерева и теперь изящно покачивались на ветвях магнолии, красиво контрастируя с последним скукоженным восково-белым цветком. Купить новые шлепы Моржик еще не успел, поэтому принимал душ в ладах.

Не меняя удобной позы, он опустил руку, на ощупь нашел за креслом дорожную сумку и вытянул из ее бокового кармана толстый том с изображением летающей тарелки, круто пикирующей на Боровицкую башню Кремля. По картинке нельзя было понять, атакуют ли инопланетяне резиденцию Президента России или же просто терпят бедствие. Головоногих сиреневых монстров в одну полупорционную тарелочку набилось больше, чем осьминогов в трюм судна японских контрабандистов.

– Я лично хочу сейчас немного почитать книжку, – сообщил о своих планах Иркин супруг. – А после тихого часа предлагаю сходить для разнообразия на дикий пляж.

– На диком пляже сегодня не покупаешься, море начинает волноваться, а там камни! – предупредила я. – В воду лезть опасно. Разве что свежим воздухом подышать?

– Так, может, не надо идти на дикий пляж? – неуверенно протянула Ирка. – Ну его, а?

Моя подружка – большая любительница комфорта, для нее идеальный пляж – это вымощенная плиточкой терраса у бассейна, желательно с шезлонгами высокой грузоподъемности. Ирка весит ровно сто кило и потому не уважает шаткие пластмассовые конструкции и дегенеративную плетеную мебель. Валуны на диком пляже, конечно, более надежны, но, лежа в камнях, моя подружка в закрытом купальнике «стройнящего» черного цвета здорово смахивает на выбросившегося на берег дельфина.

– Просто дикий пляж далеко, а Масыняк за полдня здорово устал! – поймав мой насмешливый взгляд, Ирка поспешила перевести стрелки. – Он так много ходил пешком, плавал, копался в песке! Как вам не стыдно, родители? Загоняли же ребенка, как жеребенка!

– Не понял, – хлопнул ресницами придремавший Колян. – О каких жеребятах ты говоришь?

– Да, ребенок изрядно устал и перевозбудился, – согласилась я. – Вот, слышите?

Я замолчала, подняв указательный палец, и стало слышно, как спящий в соседней комнате Масыняк бормочет:

– Копать! Дай ведро! – и после короткой драматической паузы – с неизбежной тревогой: – Где плавки?!

– Мальчик устал до упаду, – подтвердил Моржик, переворачивая книжную страницу.

Он качнул ногой, и утомленная до упаду резиновая лапа с сочным звуком шмякнулась на паркет.

– Ладно, вы тут отдыхайте, книжки читайте, а я пойду, поплаваю в бассейне! – Колян неожиданно взбодрился, встал на ноги и огляделся.

– Где плавки? – подсказала ему реплику ехидная Ирка.

Колян интеллектуальную помощь зала не принял, спросил о другом:

– Кто со мной?

Желающих составить ему компанию не нашлось, и мой супруг отправился заниматься спортом в одиночестве. При этом из-за своей обычной рассеянности Колян забыл взять полотенце, так что мне пришлось бежать за ним вдогонку с махровым изделием на плече.

Догнать мужа и отдать ему полотенце не удалось, Коляна в коридоре уж и след простыл. Смекнув, что придется топтать к бассейну, я не стала особенно торопиться, повлеклась неспешно, и на повороте меня обогнала какая-то коротконогая, но шустрая особа. Часто цокая каблуками, она влетела в лифт и закрыла двери, даже не подумав подождать меня.

Я не настолько спешила, чтобы рискованно бросаться в просвет закрывающихся дверей, поэтому остановилась на площадке перед лифтом и, прежде чем он тронулся, успела увидеть пассажирку – крутобедрую и пышногрудую блондинку невысокого роста.

Лифт уже пошел вниз, когда до меня вдруг дошло, что это та самая девица, которая поутру вломилась в мой дом, а потом опасно прыгала из окошка квартиры Набалдашкина, царство ему небесное!

Сердце мое ухнуло вниз быстрее, чем кабина лифта. Впервые в жизни я испугалась, что мое семейное счастье может разбиться на куски, как фарфоровое блюдо! Прежде я никогда не подозревала своего любимого мужа в измене, но до сих пор мне не доводилось видеть, как ему на шею вешается другая женщина. Положим, утренний набег белобрысой крали на наш мирный дом вполне мог быть недоразумением, но как прикажете понимать это ее появление в гостинице? Черноморское побережье нашей Родины даже после отделения от нее Украины и Абхазии остается весьма протяженным, и недостатка в пансионатах и гостиницах отдыхающие не испытывают. Так что же, наглая девица не нашла себе другого места для отдыха?!

Тяжело дыша и стискивая кулачки, я спешно соображала. Девица обогнала меня на пути к лифту, значит, живет на одном с нами этаже. Сдвоенный номер, в котором поселилась наша дружная компания, имеет два входа-выхода, а за ними в конце коридора всего одна дверь. Она ведет в одноместный номер. Значит, белобрысая нахалка живет именно в нем. Совсем рядом с нами! Весьма подозрительная близость!

А Колян-то, Колян каков! «Пойду поплаваю в бассейне!» Физкультурник, так его! Небось откололся от компании, чтобы пообщаться со своей кралей!

Размахивая уютным полотенцем с логотипом отеля так, словно это была плеть-девятихвостка, я понеслась вниз по лестнице. В голове пульсировала одна мысль: «Вот сейчас я им покажу!» Прослежу за этой косматой гадюкой, застукаю ее со своим неверным мужем и устрою обоим такую физкультуру, что мало не покажется!

Обуреваемая жадой мщения, я фурией пролетела через холл. Пара клоунов, старательно развлекающих немногочисленную публику, хотела меня поймать и приобщить к анимационному шоу, но меня в данный момент интересовали только подвижные игры на свежем воздухе. Я шуганула скомороха, попытавшегося заступить мне дорогу, вылетела из здания и успела заметить гадкую девицу, сворачивающую за угол гостиничного корпуса. Плавательный бассейн, к которому якобы направился Колян, остался в другой стороне. Это вызвало у меня кривую усмешку. Конечно, что голубкам делать у бассейна, не плавать же они собираются?

Блондинка вышла за территорию гостиничного комплекса и целеустремленно зашагала по набережной в сторону того самого дикого пляжа, куда хотел отправиться после обеда Моржик. Правильно, этот каменистый берег – весьма уединенное место, для тайного свидания ничего лучшего не придумаешь. Там и летом, в разгар сезона, мало кто бывает, а уж сейчас, в октябре, вообще одни чайки гуляют!

Тут я вспомнила, что мой муж очень уважает любовные игры на свежем воздухе, и от горя и обиды мне захотелось выть, но огласить окрестности тоскливым коровьим ревом я не успела. Помешал звонок мобильного.

– Да? – плаксиво спросила я, даже не посмотрев, кто мне звонит.

– Кыся, ты будешь меня ругать, но я забыл полотенце! – виновато сказал Колян. – Ты не могла бы мне его принести?

– Может, вам еще и спинки потерять?! – обиженно рявкнула я, вообразив, будто обнаженный супруг просит меня помочь ему обустроить любовное гнездышко на пляже.

Большое махровое полотенце вполне сошло бы за удобную подстилку!

– С каких пор мы с тобой на «вы»? – удивился муж. – Ладно, если тебе неохота шагать к бассейну, просто выйди на балкон и сбрось это чертово полотенце, только постарайся не в воду!

– В воду? – Я осеклась.

Уронить полотенце с балкона в море, до которого от гостиницы добрых полкилометра, я никак не могла: чтобы проделать такой фокус, нужно было скрутить махровое изделие в тугой комок и выстрелить им из пушки. Значит, Колян честно мокнет в бассейне, а вовсе не поджидает белокурую бестию на диком пляже?

– А ты где? – запоздало поинтересовалась я.

– Как – где? Говорю же, в бассейне! – Колян начал сердиться. – Выйди на балкон, я помашу тебе ручкой!

– Не надо ручкой, солнышко мое, я сейчас сама к тебе приду, ножками! – растроганно всхлипнув, сказала я.

– Ну давай, – неуверенно отозвалось «мое солнышко» и выключило трубку.

Не удержавшись, я звучно чмокнула мембрану мобильного, круто повернулась и легкой поступью вприпрыжку зашагала в обратном направлении – к бассейну. Белобрысую девицу я отпустила с миром. Если она не собирается встретиться на пляже с моим мужем, мне абсолютно без разницы, к кому она спешит и с кем будет кувыркаться в морских волнах и валяться на камнях. Пусть хоть с чайками зажигает, хоть с дельфинами, хоть с крабами, их я нисколько не ревную!

Колян величественно рассекал подогретую воду бассейна, демонстрируя превосходную технику плавания в стиле «баттерфляй». Я с гордостью и удовольствием отследила олимпийский заплыв супруга и торжественно наградила его сухим полотенцем. Спортсмен вытерся и побежал в кабинку переодеваться, а я пока присела на сухой шезлонг.

С уходом из бассейна Коляна смотреть там было не на что и не на кого. В теплой воде тоскливо кисли две дамочки, способные живо заинтересовать только специалиста по борьбе с целлюлитом. Единственным купальщиком мужского пола был жирный дядя, обладающий поразительным сходством с касаткой. Он запросто мог участвовать в съемках фильма о китах, а также его озвучивать. Дядя в одиночку воспроизводил добрую половину всех звуков живой природы.

Я прикрыла глаза и вообразила, что нахожусь на берегу океана, где-нибудь в суровой Гренландии. Осень выдалась теплая, в середине октября столбик термометра легко поднимался до двадцати градусов, что в суровой Гренландии запросто сошло бы за жаркое лето. Плещущийся, фыркающий, сопящий, хрюкающий и кашляющий дядя-кит создавал убедительный аудиофон. Я полной грудью вдохнула свежий океанский бриз и вдруг услышала за спиной хриплый рев, который мог произвести гудок китобойного судна.

– Хр-р-раждане отдыхающ-щ-щ! – проскрежетал ревун.

Я открыла глаза и обернулась.

В углу площадки притулился шаткий складной столик, за которым восседала жилистая тетка с мегафоном, рупор которого в настоящее время составлял единое целое с ее речевым

аппаратом. Звуки, в которые превращал человеческую речь этот звукоусиливающий агрегат, напоминали разом рев тигра и хрюканье свиньи:

– Приглаш-ш-ш на экскур-хр-хрс-сь!

– О, нас приглашают на экскурсию? – легко перевел со свино-тигриного Колян, шагов которого я за животным ревом не услышала. – А куда экскурсия?

Я посмотрела на мужа с легкой завистью. Чувствовалось, что он в хорошей форме – свеж, полон сил и готов к приключениям. Действенная штука это спортивное плавание! Надо, пожалуй, тоже поплавать, а то у меня в последнее время самая продолжительная водная процедура – стирка белья в автоматической машине.

– Вы интересуетесь, куда экскурсия? – услышав вопрос Коляна, тетка отложила свой хрипчатый мегафон и заговорила человеческим голосом, но с не меньшим энтузиазмом: – Куда угодно! Выбор за вами! Из морских прогулок ближайшая будет завтра, в город-герой Новороссийск и на Малую Землю!

– Если выбор земли остается за нами, то я лично предпочел бы не Малую, а Новую Землю, – мечтательно сказал Колян. – Или, например, Землю Франца-Иосифа. Просто потому, что там я еще не был. Или одну из земель Германии, лучше всего Баварию, там отличное пиво.

Тетка озадаченно замолчала, видимо, вспоминала географию.

– Далековато будет, – заметила я. – И вообще, мы завтра уже уезжаем.

– Тогда возьмите билеты на пешеходную экскурсию с посещением местных достопримечательностей, – предложила настырная тетка. – Я сама проведу вас по маршруту.

Ей явно не хотелось упускать потенциальных экскурсантов, и это можно было понять. Сезон кончился, и любопытные туристы не роились в окрестностях, слетаясь на местные достопримечательности, как мухи на мармелад.

– А какие тут местные достопримечательности? – не поленился спросить Колян.

– Ну как же? У нас полно достопримечательностей!

Тетка набрала в грудь побольше воздуха и зачастила:

– Дольмены, водопады, дельфинариум, аквапарк, пещера с наскальными рисунками!

– Разнообразно, – насмешливо заметила я.

– Наконец, знаменитая Скала Ревнивицы, овеванная туманами и легендами! – перебивая меня, выдохнула тетка.

– Какими именно легендами она овевана? – тут же спросил любознательный супруг.

Похоже, интенсивные занятия спортом привели к некоторому перекосу в развитии его личности, и теперь Колян жаждал заняться своим культурным ростом. В свою очередь, скучающей представительнице турбюро очень хотелось обрести в нашем лице благодарных слушателей и пересказать пару-тройку замшелых легенд местного происхождения. Отвертеться от прослушивания данной познавательной информации не представлялось возможным, и я покорилась, проворчав только:

– Собираем фольклор: песни, легенды, тосты!

– А часовню развалили еще до нас, в семнадцатом веке! – Колян с удовольствием подхватил тему и продолжил цитировать «Кавказскую пленницу».

– Точно, в семнадцатом веке! – подтвердила тетка.

Она откашлялась и завела с отчетливым кавказским акцентом:

– Давным-давно, в семнадцатом веке, высоко в горах, у самых седых ледников, обитало одно маленькое горское племя. У него был князь, который женился на гордой и прекрасной девице, и жили они долго и счастливо, пока однажды красавица не застала своего супруга в объятиях другой женщины. Кровь вскипела в ее жилах, ревность затмила разум, и обманутая жена одним кинжалом убила изменника-мужа и его любовницу.

– Маладэц, вах! – в тон рассказчице сказала я. – Хотя я лично ограничилась бы убийством любовницы, а мужа резать не стала бы. После показательной казни любовницы он вполне мог перевоспитаться.

– Несомненно! – быстро подтвердил Колян, взглянув на меня с беспокойством.

– Ничего личного, милый! – безмятежно улыбнувшись, сказала я.

– А вот гордая красавица убила и мужа, и его любовницу! – повторила рассказчица, довольная, что ее перебили.

При этом она так выделила голосом словосочетание «гордая красавица», что мне впору было обидеться. Кажется, меня упрекнули в том, что я недостаточно красива и горда!

Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь вроде: «На себя посмотри, мырма!», но тетка вновь затянула напевы горских племен:

– Но когда князь и та женщина за смертью упали к ногам ревнивицы, выяснилось, что они были не любовниками, а братом и сестрой!

– Вот к чему приводит неразумная спешка! – назидательно вставил Колян.

– И тогда несчастная красавица выбежала из шатра и, заламывая руки, устремилась к высокой скале над морем.

– Неужели она бежала к морю от самого подножия седых ледников? – удивилась я.

– Километров четыреста, не меньше! – прикинул Колян.

– Все, я больше ни слова не скажу! – рассказчица обиделась.

– А и не надо, дальше все ясно, – уверенно сказала я. – Скатившись с седых ледников, темпераментная дамочка так разогналась, что с разбегу бухнулась в море!

– И скалу, с которой она, как с трамплина, ушла в воду, назвали в ее честь! – подхватил Колян. – Посмертно, конечно! Я так понимаю, гордая красавица не умела плавать?

В голосе моего мужа прозвучало неприкрытое чувство превосходства. Кто-кто, а Колян плавать умеет, в юности он даже брал призы на спортивных соревнованиях.

– Молодые люди, если прыгнуть со Скалы Ревнивицы, умение плавать не поможет! – язвительно ответила рассерженная нашими шутками тетка. – Там сложная система подводных течений. Когда море спокойно, можно увидеть переплетение темных потоков. Уж поверьте, тягун там такой, что утопленников иной раз выбрасывает за несколько километров от скалы!

– Ага, значит, дурному примеру гордой красавицы следовали и другие граждане? – смекнула я, сделав правильный вывод из упоминания утопленников во множественном числе.

– Неоднократно! – с гордостью, причину которой я не поняла, ответила рассказчица. – Именно поэтому смотровую площадку на Скале Ревнивицы пришлось обнести парашетом. Впрочем, через него можно перелезть.

– Рекомендуете? – съязвила я.

– Слушайте, граждане, чего вы ко мне привязались? – окончательно рассердилась тетка. – Идите себе по своим делам!

– Мы к вам привязались? – искренне удивилась я. – Все, Колян, пойдем отсюда, будем собирать фольклор в другом месте.

– Например, в баре, – согласился Колян. – Там большой выбор овечьего легендами чешского пива!

– Сходите на экскурсию с Моржиком, – разрешила я.

В свете того, что Колян зарекомендовал себя как верный муж, не имеющий ничего общего с белобрысой кралей из соседнего номера, у меня не было необходимости вести себя как легендарная ревнивица. И резать никого не буду, и со скалы прыгать не стану! Что мне, делать больше нечего?

Мы вернулись в номер и обнаружили, что там произошла перемена мест слагаемых. Ирка завалилась спать, а Маша, наоборот, проснулась. Моржик усадил ребенка себе на колени и читал ему книжку. Маша слушал фантастическое повествование с большим интересом.

– Граблы надели смарши, опустили маралы, взяли в тряпмы бумстеры и взвели хрумки! – с чувством читал Моржик. – Тут-то Козявский и понял, что дело плохо!

– Очень хорошо понимаю Козявского! – сказал мне на ушко Колян. – У меня от грабловых бумстеров с взведенными хрумками мороз по коже!

– Главное, не опускать тряпмы! – шепнула я в ответ. – Вот увидишь, Козявский еще покажет граблам, где раки зимуют!

Козявский действительно не сплоховал и живенько надавал граблам по маралам, показав головоногим, кто в Галактике хозяин. Мы с Коляном приветствовали победу человечества над инопланетным разумом дружными аплодисментами.

– О! Мама и папа! – обрадовался ребенок.

Он слез с коленок дяди Моржика и сообщил, что хочет пить. Я достала из сумки бутылочку минералки. Колян с Моржиком, пользуясь случаем, сказали, что у них тоже в горле пересохло, но от минералки почему-то отказались наотрез и двинулись утолять жажду в бар.

Мы с Масей попили водички, поели печенья, почитали детскую книжку, героями которой были не агрессивные граблы, а мирные ежики и зайчики, дождались пробуждения Ирки и все вместе двинулись на поиски Коляна и Моржика.

Вычурные часы в холле показывали половину четвертого, полномасштабное анимационное шоу с клоунами закончилось, и я была этому рада. Не люблю, когда меня принуждают участвовать в дурацких конкурсах, даже если за это обещают призы и подарки. Ирка, напротив, громко сожалела, что не успела к раздаче слонов, и решила утешить себя большой чашкой горячего шоколада с пончиками.

– Самое время для полдника! – сказала она, присаживаясь за столик в кафе-баре.

Масяня в знак согласия забрал у нее пончик и сосредоточился на его поедании. Мне ни есть, ни пить не хотелось, и от нечего делать я глазела по сторонам.

В этот час публика в баре была смешанная: и мамы с детишками вроде нас с Иркой, и мужчины, коротающие время до ужина с пивными кружками. В углу под раскидистым фикусом устроилась теплая компания, состав которой был мне знаком на две трети: наши с Иркой мужья выпивали «на троих» с каким-то типом в спортивном костюме «Пума».

– Кто этот пум, не знаешь? – спросила я подружку.

– Понятия не имею! – ответила она, посмотрев на веселую троицу. – Но морда у него знакомая!

– То-то и оно! Пойду справлюсь у дежурной, – обеспокоенно сказала я, поднимаясь.

Я работаю на телевидении, и у меня такое великое множество знакомых, что я не всегда помню, как кого зовут. Признаться, я чувствую себя полной дурой и замшелой склеротичкой, когда какой-нибудь смутно знакомый тип неожиданно бросается ко мне с широко раскрытыми объятиями и радостным криком: «Ленка! Где бы мы еще встретились!» А я начинаю мучительно соображать, где и когда мы встречались раньше и кто он вообще такой, этот общительный гражданин, и при этом вымученно улыбаюсь и пытаюсь поддерживать беседу в надежде, что из нее что-нибудь прояснится. Просто сказать человеку: «Простите, я вас не помню!» как-то неловко.

Я вывернула из бара, отгороженного от общего холла непроницаемой стеной живой и искусственной зелени, и подошла к стойке дежурной.

– Что вам угодно? – приветливо улыбнулась девушка.

Я прочитала ее имя на бейджике, приколотом к отвороту форменного пиджака, и просительно сказала:

– Валентина, может быть, вы сможете мне помочь? Я увидела знакомое лицо, но, хоть убейте, не могу вспомнить, кому оно принадлежит! Может, вы знаете? Там, в баре, сидит симпатичный парень в спортивном костюме «Пума», блондин лет тридцати. Кто он?

– Сергей Трофимов, наш гость, тоже приехал на уик-энд.

– Знать не знаю никакого Трофимова! Почему же мне его физиономия так знакома? – задумалась я.

Дежурная улыбнулась широко и с пониманием:

– Да потому, что он очень похож на Юрия Гагарина, только тот был брюнетом, а этот блондин!

– Точно! – я звонко шлепнула себя ладонью по лбу. – Слава богу, а то я уже подумала, что у меня случился приступ склероза!

– Когда я увидела его в первый раз, испытала то же самое! – призналась дежурная. – Вылитый Гагарин! Только, к сожалению, никак не годится в космонавты.

– Почему? Он чем-то болен? – я встревожилась.

А ну как хворый собутыльник заразит какой-нибудь болячкой и наших с Ирккой мужей!

– Он удивительно рассеян и не умеет ладить с простейшими устройствами! – понизив голос, чтобы никто не услышал, как она сплетничает о постояльце, доверительно прошептала Валентина. – Ему нельзя в космос, он оттуда не вернется, позорно застрянет на орбите в собственном звездолете!

– На радость граблам, – пробормотала я.

А дежурная, пропустив мимо ушей мою реплику, объяснила:

– Сегодня сразу по приезде он первым делом умудрился заблокировать дверь своего номера!

– Как это? – не поняла я.

– Ну, вы же знаете, что у нас вместо ключей используются специальные карточки? Вам ведь тоже дали такую?

Я кивнула, ожидая продолжения. Когда мы вселились, нам действительно выдали две пластиковые карточки к замкам от входных дверей. Карточки заменяют собой ключи. Засовываешь карточку в специальную щелочку, замок щелкает, загорается маленькая зеленая лампочка – дверь открывается. Этот процесс очень понравился Масыне, он довольно долго практиковался с карточкой, пока запомнил, какой стороной толкать ее в замок.

– Господин Трофимов ухитрился перекосить свою карточку в приемном отверстии так, что замок заклинило и понадобилась помощь специалиста, чтобы открыть дверь, – сказала Валентина. – Это было утром, когда он только приехал. Дальше было больше.

Я послушала дежурную и нашла, что у нас с господином Трофимовым немало общего. Я тоже принадлежу к породе технических бездарей и приобщаюсь к современным технологиям с великим трудом, мучительным напряжением всех мыслительных способностей. А господин Трофимов, похоже, даже не дает себе такого труда!

Через час после приезда он позвонил дежурной по внутреннему телефону и застенчиво признался, что застрял в туалете. Закрыться закрылся, а открыться не может!

– И это при том, что в санузле довольно простая защелка! – посетовала Валентина.

И с гордостью за заведение сказала:

– Хорошо, что у нас санузлы тоже телефонизированы! Признаться, прежде мне казалось, что вешать телефон рядом с унитазом – это пустое пижонство, но, очевидно, имелся в виду именно такой случай, как с господином Трофимовым. Не будь в туалете телефона, бедолага сидел бы взаперти до завтрашнего прихода горничной.

– Очевидно, он живет в номере один? – догадалась я.

– Один, – подтвердила девушка. – Но его и одного вполне достаточно, чтобы сделать дежурство администратора нескучным и запоминающимся. Это же еще не все! Представьте, в половине второго он снова позвонил, сообщил, что собирается поспать, и попросил разбудить в половине четвертого. Однако будить его не пришлось, потому что в три двадцать ко мне снова поступил звонок из того же номера. Несчастный господин Трофимов опять не мог справиться с дверным замком и просил помощи, чтобы вырваться на волю!

– Судя по тому, что сейчас он сидит не в своем номере, а в баре, помощь пришла вовремя! – засмеялась я.

– Помощь не понадобилась, – Валентина тоже усмехнулась. – У господина Трофимова неожиданно случилось прояснение в уме, и он разобрался с замком самолично. Когда я поднялась на четвертый этаж с засученными рукавами и набором отверток, он уже сбежал вниз, так что на этот раз обошлось без спасательной операции. Но мне заранее страшно при мысли о том, что будет дальше. Специально для господина Трофимова я оснастила бы дверь его номера простым амбарным замком.

– А он тогда потеряет ключ, и вам придется перепиливать дужку напильником! – предупредила я.

Дежурная заверила, что у нее имеются запасные ключи от всех замков, включая электронные, и на том мы расстались. Я вернулась в бар и пересказала услышанное Ирке.

– Прямо антивзломщик какой-то! – Подружка с сочувствием посмотрела на Трофимова, который спокойно пил водку, не подозревая, что успел стать новой местной легендой. – Интересно, у него только с запорными механизмами фигня такая или это проявляется как-то более широко?

– Интересно было бы узнать, кем он работает! – сказала я. – Надо будет расспросить наших мужиков, похоже, они уже сдружились.

Колян словно почувствовал мой взгляд. Он обернулся, увидел меня, Масю, измазанного сахарной глазурью, как пасхальный кулич, Ирку и призывно махнул нам рукой.

– Вы заканчивайте полдник, а я пока узнаю, какие планы у наших господ и повелителей, – сказала я подружке, вновь поднимаясь из-за стола.

– Кыся! – приветствовал мое появление Колян. – Знакомься, это Серега! Представляешь, он трабл-шутер!

– Да что вы? Очень приятно, – вежливо кивнула я блондину, который подарил мне знаменитую гагаринскую улыбку.

Я не стала выяснять, кто такой трабл-шутер. Какой-то шут гороховый, наверное. Самое подходящее амплуа для этого парня!

Я окинула строгим взором простенький натюрморт на столе и сказала, не тая укора:

– Вижу, друзья, вы предпочли овечьему легендами чешскому пиву русскую водку?

– Ничуть не менее легендарную! – размашисто кивнул Колян.

– Мы проявили патриотизм! – с чувством сказал Моржик.

Он встал на ноги, вытянулся во фрунт и сделал попытку затянуть «Боже, царя храни!», но оказался не в голосе, застеснялся и безобразно скомкал вокальный номер.

– Позвольте узнать, отчего именно боже должен хранить царя? – с расстояния в три метра ехидно спросила Ирка.

– Которого? – зачем-то уточнил Колян.

– Царя природы! – съязвила я.

Ирка меж тем подошла к столику и нависла над ним, как олицетворение не божьей защиты, а господней кары. Мася, выглядывающий из-за ее юбки, вполне сошел бы за злокозненного ангелочка.

– Царя природы боже должен хранить от алкоголизма! – взглянув на суровый лик жены, своевременно покаялся Моржик. – Все, мужики! По последней – и идем проветриваться!

Через пару минут мы уже дышали свежим воздухом в парковой аллее. Ребенок производил спелеологическое исследование рукотворного грота с водопадом, а взрослые сидели на лавочке и мирно беседовали. Двойник Гагарина, оказавшийся весьма славным парнем, рассказал нам о достойном гражданском поступке, который он намеревался совершить. Сережа подобрал на клумбе у жилого корпуса сторублевку, выпорхнувшую из кармана какого-то парнишки, и жаждал вернуть растеряхе его денежку. Сам растеряха на призывные крики Сережи

почему-то не отреагировал, куда-то очень спешил. Мы с Ирккой благородное намерение Трофимова одобрили, а Колян с Моржиком сказали, что благородство благородством, а если тебе под ноги сам собой падает стольник, значит, это не испытание твоей честности, а божья благодать. Вроде манны небесной, которую не гнушались употреблять в пищу даже библейские праведники. И они тут же с намеком пересчитали стольник на пиво по курсу местного бара.

За оживленной дискуссией мы не заметили, как подошло время вечерней трапезы. Теплый осенний день неспешно клонился к вечеру, гости оздоровительного комплекса нагуливали аппетит перед ужином, на площадке у бассейна играл духовой оркестр, и Масяня помогал барабанщику держать ритм, вдохновенно стуча булыжником по искусственному сталактиту. Я почувствовала, что мы привезем домой в качестве сувенира немалый кусок известняка.

– Хорошо-то как! – потянувшись, сказала Ирка.

– Правильно сделали, что приехали! – резюмировал Колян.

– Тут спокойно, – поддакнул Моржик. – Мы отлично отдыхаем! Тихий, мирный уик-энд!

В этот момент из-за поворота аллеи, оскальзываясь на опавших листьях, с дробным топотом вылетела группа граждан. Они совершенно явно отдыхали куда хуже, чем мы, уж точно не тихо и мирно, потому как не сидели, а очень резво бежали. Первой шла тетка, которая зазывала нас с Коляном на экскурсию. Одной рукой она прижимала к уху трубку сотового телефона, а другой рвала на себе волосы. Смысла этого действия я не уловила, разве что тетка пыталась задействовать вздыбленные космы в качестве антенны для улучшения приема сигнала.

За ней голова в голову шли две целлюлитные дамочки и толстяк, похожий на кита. Видно, не зря предводительница туристов отиралась у бассейна – сумела-таки найти там любителей седых легенд!

– А в чем дело? – озадаченно молвила Ирка, когда бегуны с сопением промчались мимо нашей лавочки. – Куда это они бегут?

– Возможно, участвуют в какой-то анимационной программе, – предположил Моржик. – Скажем, инсценируют песню про тройку быстрых лошадей?

– Какая тройка, их же четверо? – резонно возразил прибившийся к нашей компании господин Трофимов.

– Четыре лошади – это квадрига, – авторитетно сказал Колян.

– Я думаю, господа и дамы бегут осматривать местные достопримечательности, – решила я. – По сокращенной программе, всего за полчаса вместо плановых полутора.

– Какие достопримечательности могут быть в спальном корпусе? – удивился Колян.

И тут же мечтательно прищурился, игриво ущипнул меня за мягкое место и мурлыкнул:

– А впрочем...

Из корпуса, толкая впереди себя лохматую тетку с мобильником, выскочила моя знакомая дежурная администраторша. Судя по жестам, она призывала эту даму успокоиться, но сама при этом сильно нервничала. Через полминуты к ним присоединился хмурый парень в униформе охранника. У него была рация, и он что-то деловито и сосредоточенно приговаривал в нее, словно читал стихи или молитву. От ворот прибежал второй охранник, тоже с рацией и нахмуренным челом.

– Видать, что-то случилось! – сказала Ирка и требовательно посмотрела на меня.

Этот взгляд подружки не нуждался в расшифровке. Ирка явно желала узнать, что происходит, и привычно посылала в разведку меня. Правильно, ведь добывать информацию – это моя специальность.

– Смотри за ребенком, – бросила я подружке, стартуя с лавочки на усиливающийся шум голосов.

На ходу я нашарила в сумочке служебное удостоверение и подошла к группе встревоженных сотрудников пансионата уже с развернутой красной книжицей.

– Что это? – Охранник неприязненно прищурился на мой документ и прочитал вслух:
– Телевидение!

– О боже! Только этого не хватало! – всплеснула руками Валентина. – Еще и телевидение у нас тут!

Теперь она смотрела на меня не с симпатией, а с ужасом.

– А что у нас тут кроме телевидения? – добродушно поинтересовалась я. – По какому поводу сыр-бор?

– Без комментариев! – высокомерно бросил юноша-охранник и попытался плечом оттереть меня в сторону.

– Умный, – одобрительно сказала я ему. – Трудные слова знаешь! Так и скажем: «Охрана пансионата комментировать происходящее отказалась, администрация не желала предоставить прессе объективную информацию». Ничего, будем разбираться сами, не в первый раз.

Я стрельнула испытующим взглядом в несчастную дежурную и демонстративно развернулась в ту сторону, откуда прибежала взмыленная квадрига.

– Постойте! – отчаянно выкрикнула Валентина. – Боюсь, так еще хуже будет...

– Обещаю, что без разрешения администрации пансионата я не выпущу на экран никакой материал! – с готовностью приостановившись, заверила я. – Конечно, если мы будем сотрудничать. В противном случае я с удовольствием организую нездоровую сенсацию, вот только вам это, боюсь, не понравится...

Я уже не сомневалась, что в пансионате произошло какое-то ЧП.

– Поймите, мы не хотим, чтобы пострадала репутация нашего комплекса! – Валентина схватила меня за руку. – Нет, не уходите!

Я, естественно, остановилась.

– Кажется, у нас тут самоубийство, – с тяжелым вздохом призналась дежурная. – Вот Анна Алексеевна с экскурсантами обнаружили на парапете смотровой площадки аккуратно сложенную стопку женской одежды и туфли. Похоже, какая-то женщина бросилась со Скалы Ревнивицы!

– Это еще не точно, – вмешался сердитый охранник. – Пока не нашли труп, о самоубийстве говорить рано! Мало ли, что там лежит на парапете!

– Интересно было бы узнать вашу версию! – Я остро прищурилась на умника, достала из сумки карманный компьютер, вооружилась стилем и приготовилась записывать. – Куда, по-вашему, делась хозяйка этой одежды и обуви?

– Да мало ли! – повторил парень. – Может, она купаться пошла! Или в кусты спряталась, чтобы порезвиться там с дружкой!

– А дружка, значит, резвится в кустах в полном облачении? – съязвила я. – Дискриминация получается! Дама голышом, а кавалер в обмундировании!

– Короче, надо сначала посмотреть, что там! – охранник отмахнулся от меня, как от назойливой мухи, и торопливо зашагал по аллее в сторону набережной.

– Купаться, тоже скажет! – провожая его взглядом, возмущенно протянула тетка-экскурсовод, которую Валентина назвала Анной Алексеевной. – Да прыжок со скалы – это билет в один конец!

– А разве не могла женщина раздеться на площадке, а потом спокойно спуститься к воде по какой-нибудь тропинке? Ведь есть там тропинка? – Дежурная отчаянно цеплялась за версию, предложенную охранником.

– Тропинка там, конечно, есть, и даже не одна, – уже спокойнее сказала тетка. – Там даже дорога есть, скверная правда. А только я лично не могу себе представить, чтобы нормальный человек разделся и разулся в пятидесяти метрах от воды, если потом к этой самой воде придется ползти по крутому каменистому склону с колючками!

– Может, она ненормальная, эта купальщица! – с надеждой воскликнула Валентина. – Больная женщина!

– Вскрытие покажет, – брякнул молчавший дотоле второй охранник.

Чувствительная Анна Алексеевна размашисто перекрестилась, а дежурная Валентина похлопала себя по разгоревшимся щекам и нарочито спокойным тоном сказала:

– Так, ладно, не будем паниковать раньше времени и пугать наших гостей!

Она умоляюще посмотрела на меня.

– Не будем пугать гостей, – согласилась я. – Мы и сами тут гости, какой смысл портить себе отдых? Однако я попрошу держать меня в курсе новостей. Договорились?

Бедняжка дежурная закивала часто и энергично, как плясуньи в индийском кино. Я бы не удивилась, если бы она вдруг сорвалась с места и с жалобным гортанным криком пробежалась по широкому кругу, простирая ладони к публике, потихоньку подтягивающейся к корпусу на ужин. Однако Валентина удержала эмоции под контролем и твердой поступью, без намека на танцевальные движения вернулась на свой ответственный пост в холле.

– Ну, что там? – с любопытством спросила Ирка, когда я вернулась к лавочке, оккупированной нашей компанией.

– Пока непонятно, – ответила я. – На парапете смотровой площадки туристы нашли бесхозную одежду и обувь, и администрация волнуется, не прыгнул ли кто-нибудь со скалы.

– Со Скалы Ревнивицы? – оживился Колян. – О!

– Что такое «О»? И что за Скала Ревнивицы? – тут же спросила Ирка.

– Скала Ревнивицы – это местная достопримечательность, – с удовольствием поведал ей Колян. – Лет триста назад с нее сиганула в море ревнивица, которая по ошибке прирезала своего мужа.

– Видимо, самокритика была ее сильной стороной! – улыбнувшись, заметил двойник Гагарина.

Улыбка у него была замечательная. К ней сами собой просились космический шлем, широкий взмах руки и легендарное «Поехали!».

– Поехали! – заглядевшись на лже-Гагарина, лягнула я. – То есть, я хотела сказать, пошли! Уже время ужина. Или вы не проголодались?

В ответ друзья-товарищи дружно загомонили, высказываясь в том духе, что они проголодались и даже очень. Удивительно, но громче всех шумела Ирка. По ее мнению, полуведерная кружка какао и пяток пончиков едой не считались – так, легкий перекусон!

В общем, мы всем табором переместились в ресторан. Ирка, Моржик и Колян громили шведский стол, как настоящие викинги. Я питалась поскромнее, а Масыня и вовсе удовольствовался одной хлебной корочкой. Наш новый знакомый «Гагарин» хотя и вооружился вилкой и ножом, кушал плохо.

– Надеюсь, вам не испортили аппетит разговоры о самоубийце? – тихо спросила я.

– Что? – Трофимов словно очнулся. – А, нет! Просто у меня болит... Ну, это неважно. В общем, я не очень хорошо себя чувствую.

Я сочувственно посмотрела на него, но от расспросов воздержалась. Недомогания – вещь довольно интимная, не о каждой хвори можно поведать малознакомому человеку. Да и не больно-то хотелось услышать подробный рассказ, к примеру, об анальных трещинах. Не к столу, во всяком случае.

Я отцепилась от скучного Трофимова и сосредоточилась на том, чтобы не дать Масыне разгромить ресторанный зал. Ребенку чрезвычайно понравились хрустальные солонки и перечницы, и он не поленился стянуть их с четырех соседних столиков, а потом принялся сооружать башни. Обслуживающий персонал наблюдал за строительными работами с плохо скрытым недовольством. Предвидя, что нас вот-вот отругают, я поторопилась вывести ребенка во двор.

В дверях нас остановила тетка-экскурсовод. Выглядела она получше, потому что причесала волосы и старательно улыбалась. Улыбка ее искрометным весельем не блистала, но была по-своему ослепительной – благодаря паре золотых зубов. В руках дама держала красно-зеленую скоморошью шляпу с бубенцами. Законный обладатель яркого головного убора приплясывал рядом, притопывая похожими на лыжи башмаками и наяривая на игрушечной балалайке. Очевидно, этот музыкальный инструмент был произведен на просторах Китайской Народной Республики. Он вытренькивал русский фольклорный хит «Шумел камыш, деревья гнулись» с такими этническими загогулинами, словно это шумела и гнулась молодая бамбуковая поросль на берегах Янцзы и Хуанхэ.

– Примите участие в бесплатной лотерее! – призвала меня Анна Алексеевна. – Главный приз – путевка в наш пансионат! Розыгрыш состоится через два часа в холле основного корпуса.

– Я! Я приму участие! – с энтузиазмом вскричала за моей спиной Ирка.

Я обернулась на голос. Услышав про халюву, подружка примчалась к нам напрямик от стойки с салатами, забыв оставить там раздаточную ложку.

– Подержи-ка, дружок! – Ирка без церемоний сунула скомороху ложку в лохмах капусты по-корейски, что добавило парню азиатского колорита. – Ну, что я должна сделать? – спросила моя подружка. – Залезть в эту шляпу и вытащить билетик-другой?

Она размяла пальцы так энергично, что стало ясно: если позволить ей запустить руку в клоунский чепец, она посрамит самый загробуший бульдозер и не оставит в шляпе ни единого билетика. Еще и подкладку вырвет!

– Не надо куда лезть! – поспешно возразила Анна Алексеевна. Видно, жизнь научила ее читать по лицам. – Наоборот, возьмите вот эту бумажечку, напишите на ней свое имя, фамилию и номер, в котором вы проживаете. А потом скрутите бумажку в рулончик и опустите в шляпу.

– Значит, я могу записаться только один раз? – приуныла Ирка.

– Лотерейных билетов будет ровно семьдесят шесть, точно по числу наших гостей, – твердо сказала Анна Алексеевна. – Включая маленьких мальчиков!

С этими словами она подарила Масыне блестящую улыбку.

– Мама, я хочу гулять! – сказал ребенок, посмотрев на незнакомую златозубую тетю с большим подозрением.

– Извините, мы пойдем! За нас с сынишкой билетика напишет вот эта любезная дама! – сказала я Анне Алексеевне, уступая место приплясывающей от нетерпения Ирке.

Мы обошли скомороха, который продолжал таращиться на салатную ложку, словно сомневаясь, прилично ли будет ее облизать, и вышли на свежий воздух. Маса сразу же порысил к рукотворному гроту с водопадом, а я с интересом уставилась на афишу, зазывающую гостей пансионата на вечерний концерт.

Плакат, живо напомнивший школьные стенгазеты, был наскоро намалеван гуашью на ватманском листе, даже краска еще не просохла. Я смекнула, что намерение собрать всех гостей комплекса от мала до велика возникло у администрации внезапно, но не случайно. И разрекламированный вечерний концерт, которого, вообще-то, не было в программе, и сюрпризная лотерея были организованы для того, чтобы между прочим провести перепись населения пансионата и выяснить, нет ли недостачи. Пугать гостей расспросами типа: «Не знаете ли вы душевно нездоровую женщину, которая могла покончить с собой, прыгнув со скалы в бурное море?» – администрация, похоже, не планировала.

Оценив изобретательность хозяев праздника, я решила не отравлять им жизнь лишними волнениями и следующие четыре часа никак не проявляла своего интереса к истории с предполагаемым самоубийством. Веселилась, как все: смотрела концерт, участвовала в лотерее, любо-

валась праздничным фейерверком и дегустировала коктейли, приготовленные виртуозом-барменом в режиме шейк-шоу.

Увеселительные мероприятия закончились в одиннадцатом часу. Усталые, но довольные мы вернулись в номер и разошлись по комнатам.

Ирка с мужем на своей половине что-то негромко обсуждали. Кажется, подружка печалилась, что не выиграла в лотерею, а Моржик ее утешал.

У нас отбой наступил без задержки. Колян сразу завалился спать, побросав одежду на ковер рядом с просторной кроватью. Маша, в сонных глазенках которого еще угадывались сполохи фейерверка, пытался бороться за права младенцев.

– Не хочу спать! – широко зевнув, заявил он.

– И не надо! – сказала я, вытряхивая ребенка из одежек.

Оказавшись на горизонтальной поверхности удобного диванчика, малыш моментально засопел. Я выключила свет, оставив гореть только бра в крошечной прихожей, машинально сгребла в охапку вещички сына и вещи мужа и прошла в санузел. Там посмотрела в зеркало, увидела себя с ворохом мужской и детской одежды и засмеялась.

Привычка собирать разбросанные по квартире вещи Коляна и Колюшки уже стала моей второй натурой. Дома я ежевечерне стаскиваю кучу шмоток в ванную, поближе к стиральной машине, вот и в гостинице поступила аналогичным образом!

Затевать на ночь глядя постирушку в гостиничном номере я не планировала, поэтому стала аккуратно складывать вещи. Ребенка я завтра одену во все чистое, но Колян вполне может натянуть те же джинсы и джемпер. Мы приехали в пансионат всего на пару дней и не привезли с собой чемоданы тряпок.

Я машинально сняла с мужнего джемпера пару соринок и... мои пальцы, сложенные на манер пинцета, скрючило судорогой! На рукаве, на темно-синем велюровом шевроне, бесстыдно, нагло и вызывающе поблескивал длинный светлый волос!

Страшные подозрения, от которых я благополучно избавилась еще до ужина, возродились с новой силой. Так-так-так! Это кто же прижимался к плечу моего благоверного патлатой белобрысой головой?

Мой собственный волосяной покров регулярно меняет цвет под воздействием патентованных красящих средств. В настоящий момент я шатенка с легким асимметричным мелированием. И уже с полгода ношу короткую стрижку, очень похожую на мальчишескую прическу Машеньки!

У Ирки волосы длинные, но не белокурые, а темно-русые, с рыжиной. Моржик блондин, но он стрижется под машинку, так коротко, что рядом с ним показалась бы безобразно косматой самая гладкошерстная мышка.

Может, джемпер подцепил волосину с ковра? Но перед самым нашим вселением в номер там была произведена полная уборка, горничную с мощным пылесосом мы встретили в дверях. С другой стороны, могу поручиться, что до тринадцати часов сего дня никаких волосков и прочего мусора на мужней одежке не было, я собственноручно положила его в дорожную сумку чистым, свежевыстиранным.

Колян надел джемпер, когда они с Моржиком отправились в бар. С этого момента и до нашей встречи в том же баре двумя часами позже я мужа не видела. Значит, гадкую волосину он подхватил именно в этот промежуток времени, потому что вечером ни с какими блондинками не общался, все время был со мной. Возникает закономерный вопрос: сидел ли мой муж в баре с Моржиком все те два часа, на которые у него нет алиби, или же куда-то отлучался? Как бы это выяснить? Может, вломиться на половину Максимовых, чтобы растолкать и жестоко допросить Моржика? Боюсь, он мне ничего не скажет. Проклятая мужская солидарность!

Я топталась, кусая ногти, на резиновом коврике у ванны, не зная, что мне предпринять, когда незапертая дверь санузла бесшумно приоткрылась и в нее сунулась рыжеволосая голова.

– Ленка, ты не спишь? – шепотом спросила Ирка. Она была завернута в коричневое шерстяное одеяло и походила на бурого мишку среднего размера. – Отлично!

– Лучше некуда! – мрачно ответила я.

– Что случилось? – Подружка внимательно посмотрела на меня и сокрушенно покачала головой. – Вижу, что-то ужасное! Пойдем, расскажешь.

Мы на цыпочках, чтобы не разбудить Колянов, проследовали через комнату на балкон, плотно прикрыли за собой стеклянную дверь и опустились в пластмассовые кресла.

Нас обещали поселить в номере «с видом на море» и не обманули – наш балкон действительно был обращен в сторону морских далей. К сожалению, собственно море по большей части закрывали высокие деревья, растущие вдоль набережной, так что ночью с балкона открывался превосходный вид на неопределенную темную массу. Зато нас не беспокоили многочисленные разноцветные огни парковых фонарей и иллюминированных зданий – они остались по другую сторону корпуса.

– Весьма уединенно, – отметила этот момент Ирка, устраиваясь поудобнее. Шерстяное одеяло добавило подружке объемов, и она с трудом поместилась в кресле, не рассчитанном на особо крупных Винни Пухов. – Итак, я тебя слушаю. Что случилось?

Стараясь не шмыгать носом и безжалостно давя вскипающие на глазах слезы, я рассказала подружке о том, что меня терзало. Начала с утреннего явления блондинки в наш мирный дом и закончила обнаружением белобрысой волосины на мужнем джемпере.

Ирка внимательно выслушала меня, но не стала утешать. Видно, решила, что словами, как и слезами, горю не поможешь. Годы тесной дружбы позволили Ирке неплохо разобраться в моем характере, и она знает, что для меня лучшим лекарством от тоски и грусти является активное действие. Причем диапазон действий может быть весьма широк – от ручной стирки до мордобоя. Главное, чтобы занятие было энергоемким.

– Ты говоришь, эта дамочка живет там? – Ирка кивнула на перегородку, разделяющую балконы.

– По моей версии, в соседнем номере, – подтвердила я.

– Так. Сиди тут, – подруга выбралась из кресла и ушла на свою половину, но очень скоро вернулась с початой бутылкой коньяка.

– Принимали с Моржиком на сон грядущий, – встряхнув стеклянную фляжку, объяснила она. – На него подействовало как снотворное, а на меня – совсем наоборот.

– Хочешь проверить мою реакцию? – Я протянула руку, взяла бутылку, которую подружка предупредительно откупорила, и сделала большой глоток прямо из горлышка.

Реакция наступила незамедлительно. Пламя, широко и свободно разлившееся внутри моего организма, выжгло слезы на глазах и запекло до каменной твердости ругательств жалобные речи.

– Эх, так ее разэтак! – ухарски сказала я, со стуком поставив бутылку на перила балкона. – Ну, попалась бы мне сейчас эта белокурая бестия!

– А в чем проблема? – оживилась Ирка. – Сама говоришь, она в соседнем номере живет! Так, давай выйдем в коридор и постучим в ее дверь: «Тук-тук!» Она откроет, а мы вломимся и сделаем ей бум-бум! То есть побьем немножко и заставим выложить все начистоту!

– А если она не откроет? – возразила я. – Вообще говоря, мне нравится твой план, особенно в той части, где мы делаем бум-бум, но предлагаю его усовершенствовать.

– Нет предела совершенству! – легко согласилась Ирка. – Излагай!

– Мы не будем выходить в коридор и дубасить в дверь, – решила я. – Мы без стука и объявления войны войдем в соседний номер через балкон и возьмем мерзавку тепленькой, в постели. Уж тогда-то она точно не станет запираяться и расскажет правду и только правду! Ничто так не деморализует допрашиваемого, как некомплектный костюм! Я сама давеча перед беседой с ментами поторопилась сменить пижаму на нормальный наряд.

Наверное, если бы мы с подружкой не пили коньяк, идея допросить подозреваемую с пристрастием в ее собственном номере не показалась бы нам такой привлекательной. А так мы ничуть не усомнились, что поступаем хорошо и правильно!

Балконы соседних номеров разделяла перегородка в полкирпича. Поддерживаемая подругой, коньяком и праведным гневом, я перебралась через нее с ловкостью опытной домовщицы. Ирка лезла на чужой балкон долго и шумно, потому что ей не хватило ума снять свою медвежью бурку. Наверное, она думала, что с развевающимся плащом за спиной будет выглядеть более героически – как женский вариант Бэтмена. Однако тяжелое одеяло не хотело держаться на ее плечах, норовило пойти собственным путем и в конце концов все-таки полетело вниз, едва не утащив с собой и саму Ирку.

– Ничего страшного, мы его потом подберем, – сказала Ирка, проводив слегка огорченным взглядом одеяло, спланировавшее в темные глубины у подножия здания гигантским морским скатом. – Дальше клумбы не улетит.

– Да, это еще цветочки, – невпопад заметила я. – Ягодки будут впереди!

– Ой, сад-огород, а в саду тропинка! Сладкая ты моя, ягодка малинка! – тихонько пропела Ирка голосом Бабы яги, приплюснула физиономию к стеклянной двери и заглянула в чужой номер.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросила я.

Крупногабаритная подружка полностью преградила мне доступ к чужому номеру.

– Черт его знает! Шторы задернуты, ничего не видно! – ответила Ирка и, недолго думая, потянула на себя ручку.

Дверь послушно открылась.

– О! Да тут не заперто! – шепотом обрадовалась моя боевая подруга. – Может, нас ждут? – игриво подмигнула она.

– Может, не нас? – нахмурилась я.

Ирка вспомнила о цели нашего визита и перестала веселиться.

– Не горюй раньше времени, – сказала она. – Потерпи, сейчас нам откроется вся правда!

Крадучись, как ночные воры, мы вошли в номер. Поморгали, привыкая к темноте, и потихоньку двинулись к наиболее черному и большому пятну, которое опознали как кровать.

– Надо было фонарик взять! – с сожалением шепнула Ирка. – Где она тут, ничего не видно! Я лично вижу только подушки!

– Девка мелкая, могла и между подушками завалиться, – пробормотала я, осторожно хлопая ладонями по такому же мохнатому одеялу, как у Ирки.

– Я свет включу! – решила подружка.

И без задержки щелкнула выключателем.

Мягкий свет лампы под розовым абажуром разлился теплой лужей – мечтой африканского бегемота.

– Ну, и где она? – опешила Ирка. – Полночь на часах!

– Уж полночь близится, а бестии все нет! – пушкинским стихом пробормотала я и бесцеремонно переворошила разобранную постель.

Ни на подушках, ни под одеялом никого не было.

– Может, она в туалете? – Ирка приложила палец к губам, на цыпочках метнулась к клозету и рывком распахнула дверь, грозно вскричав:

– Ага!

В ответ предупредительно заурчала система вентиляции, включающаяся в санузле одновременно с освещением.

– Не ага! – с сожалением констатировала подруга, последовательно заглянув в ванну, за пластиковую занавеску душа и даже под крышку унитаза. – Смылась, зараза!

Это прозвучало так, словно зараза смылась непосредственно в канализацию. По мне, там ей самое место!

Ирка яростно почесала макушку, задумчиво скосила глаза на кончик носа, помолчала пару секунд, а потом абсолютно беспечальным голосом сообщила мне результаты своих раздумий:

– Ну, и хорошо!

– Чего же хорошего? – досадовала я.

Признаться, мне очень хотелось сделать негодяйской блондинке бум-бум, бац-бац и цап-царап!

– Это хорошо, что ее здесь нет! – объяснила подруга. – Потому что это значит – что?

– Что она где-то в другом месте!

– Вот именно! – Ирка не обратила внимания на мой язвительный тон. – Подозрительная блондинка спит в другой постели! В чужом номере! И, надо полагать, не одна!

В связи со сказанным я почувствовала острое желание сейчас же проверить, один ли спит Колян, поэтому круто повернулась и покинула чужой номер. Привычно легко перемахнула за перегородку, проинспектировала постель супруга и с глубокой радостью обнаружила, что он там трагически одинок. Колян мирно посапывал, нежно обнимая подушку. Это не вызвало у меня особой ревности, но я все-таки потихоньку расцепила руки мужа, вытянула из его объятий спальную принадлежность и улеглась на нее сама, рассудив, что с моей стороны неразумно оставлять супруга без присмотра в то время, когда по гостинице безнадзорно шастает любвеобильная блондинка.

Рыжая бестия Ирка, сверх меры взбодренная коньяком, еще некоторое время шастала туда-сюда, скучая без дела и компании, но в конце концов тоже утомилась.

– Утро вечера мудренее! – сонно пробормотала я.

3

Потру я проснулась от шума, напоминающего звуки редкого дождя. Что-то легкое падало сверху на кожистые листья магнолии, выбивая из них барабанный стук. Странно, по прогнозу сегодня должен быть солнечный день!

Я открыла глаза, села в постели – и едва не полегла обратно в глубоком обмороке. Оказывается, незапланированные осадки организовал Масяня! Он выбрался на балкон, подтащил поближе к перилам стул, влез на него и с этого постамента щедро разбрасывал сухое печенье. Коробку с крекерами малыш держал под мышкой.

– Колюша! Ты что делаешь?! – Я вылетела на балкон и обхватила ребенка поперек живота, чтобы предотвратить падение за борт.

Хватит того, что на дереве под окном уже болтаются шлепанцы Моржика! Если к ним присоединится еще и Мася в пижамке из красной фланели, это сделает магнолию похожей на новогоднюю елку!

– Я кормлю птичек, – с достоинством ответил Масяня.

Я выглянула за балкон и увидела правее новогодней магнолии карусельку с сиденьями, выполненными в виде гусей-лебедей. На песочке детской площадки во множестве валялись крекеры, которые деревянные пернатые высокомерно игнорировали.

– Птички покушают и полетят, – сообщил мне о своих замыслах ребенок.

– Птички полетят, когда на них сядет покататься кто-нибудь из деток, – сказала я, стаскивая сынишку со стула.

Малыш с готовностью выдвинул свою кандидатуру, и я приняла ее без возражений. Мы оделись и потихоньку, чтобы никого не разбудить, вышли во двор.

Было раннее утро, начало восьмого. Заспанное осеннее солнце еще не выбралось из-за окрестных гор, и двор был весь в тени. Предусмотрительно прихваченным с собой полотенечком я досуха вытерла мокрую спину того гуся-лебедя, который показался Масяне наиболее симпатичным, усадила ребенка на карусель, хорошенько раскрутила ее и отошла к лавочке. Осушила ее росистую поверхность все тем же полотенцем и присела, зевая и лениво оглядывая окрестности. Полюбовалась поздними осенними цветами на клумбе и заодно выяснила, что одеяло, которое ночью безвременно покинуло Ирку, куда-то пропало.

Это заставило меня заволноваться. Зная гостиничные порядки, я не сомневалась, что администрация непременно постарается взыскать с нас стоимость пропавшего одеяла, а оно, наверное, недешевое! Настоящая верблюжья шерсть!

– Эх, не додумались! Надо было стибрить одеяло из номера белобрысой девки! – подумала я вслух.

И тут же прикусила язык, испугавшись, что кто-нибудь услышит и плохо обо мне подумает. Вообще-то я вполне законопослушная гражданка и на криминальные поступки иду только под воздействием непреодолимых обстоятельств!

Услышать мои опрометчивые слова могла дежурная администраторша Валентина: она как раз вышла на символический балкончик первого этажа и сладко потянулась, простирая руки к восходящему солнцу. Это смотрелось весьма романтично, потому что строгого форменного пиджака с бэйджем на девушке в данный момент не было, она была одета в казенный махровый халат, а волосы свободно распустила по плечам в неуставной прическе. Я прикинула на пальцах и поняла, что суточное дежурство Валентины уже закончилось, она отстояла свою нелегкую вахту «от семи до семи».

Впрочем, добрую его часть дежурная, судя по ее домашнему наряду и заспанному лицу, благополучно пролежала. В самом деле, в безотлучном пребывании в холле на посту в глухую ночную пору не было необходимости.

– Валя, доброе утро! – крикнула я. – Как прошло дежурство? Еще эксцессы были? Она нашла меня взглядом и приветственно кивнула:

– Эксцессов не было, если не считать очередного неурочного звонка господина Трофимова!

– А что с ним случилось на этот раз? Не сумел открыть водопроводный кран? – я засмеялась.

– На этот раз у него ровнехонько в полночь случилось обострение застарелой болезни.

– Это болезнь Альцгеймера?

– То есть маразм? – Валентина с удовольствием подхватила злую шутку. – Нет, с этой хворью господин Трофимов благополучно сжился. У него после купания в прохладной морской воде обострился хронический артрит верхнечелюстного сустава.

– Это очень неприятная штука. – Я перестала смеяться и вспомнила, как вяло двойник Гагарина клевал свой ужин. – У меня однажды болел челюстной сустав, в юности, когда я имела обыкновение ходить зимой без шапки. Ощущение такое, будто болит половина зубов разом и еще в ухе стреляет!

– Вот бедолага и просил у меня обезболивающее, – кивнула Валентина. – Но на посту в холле есть только аптечка со средствами первой необходимости, так что я не смогла предложить страждущему ничего, кроме таблетки анальгина из собственных запасов.

– Анальгин не поможет, – со знанием дела сказала я. – Нужно обезболивающее помощнее, а еще хорошо синей лампой прогреть.

– Синюю лампу он тоже спрашивал, – подтвердила девушка. – В два часа ночи! Я уже спала и в сердцах ответила ему довольно грубо. Сказала, что могу дать ему синьки из запасов кастаньяши, и пусть красит свою лампу в нужный оттенок!

– Бедный парень! – пожалела я мученика.

– А вот и он! – удивленно воскликнула моя собеседница.

Я обернулась и увидела позади горки, на которую с сосредоточенным сопением карабкался Масяня, понурюю фигуру в знакомом спортивном костюме «Пума». Двойник космонавта Гагарина брел к корпусу, повесив голову, как сказочный Иванушка, и безвольно опустив руки. Враждебным граблям эта картина очень понравилась бы!

– Замучен тяжелым артритом! – пробормотала я.

– А? – Страдалец поднял на меня красные кроличьи глаза.

Вкупе с ненормально бледной физиономией они неопровержимо свидетельствовали о бессонной ночи.

– Сережа, как ваш артрит? – сочувственно спросила я. – Нашли обезболивающее?

– Нет, не нашел. Медпункт еще закрыт, – пожаловался он. – Я хотел съездить в аптеку, тут недалеко есть поселок, но приключилась такая беда... Вы не поверите! Мою машину угнали!

– Этого не может быть! – воскликнула Валентина, с интересом прислушивавшаяся к нашей беседе. – Стоянка с машинами наших гостей находится на охраняемой территории! Угонщик не мог выехать за ворота, там шлагбаум и круглосуточный пост!

– Значит, он не выехал за ворота, – кротко согласился измученный Трофимов. – Однако факт остается фактом: моей машины на стоянке нет!

– А вы говорите – дежурство прошло без эксцессов! – с необоснованным укором сказала мне Валентина.

Она одернула халат и официально обратилась к удрученному мужчине:

– Господин Трофимов, я прошу вас подойти к стойке ресепшена и рассказать о случившемся мне и новой дежурной. Обещаю, нами будут предприняты все меры для обнаружения вашего автомобиля.

Твердый голос Валентины заставил понурого страдальца заметно приободриться. Он распрямил плечи и заторопился к входу в корпус.

– Колюша, пойдем, разбудим папочку и тетю Иру с дядей Моржом! – сказала я малышу, проводив взглядом злополучного Трофимова.

Признаться, мне не терпелось поделиться новостью об угоне машины нашего нового знакомого.

– Угнали машину?! – Моржик, услышав об этом, сильно разволновался и, едва надев штаны, убежал на стоянку проверять, на месте ли его собственный любимый «Пежо».

Присоединился он к нам уже за завтраком, одновременно успокоенный и возбужденный. Успокоило его то, что с «Пежо» ничего не случилось, а возбудила загадочная история исчезновения «Нексии» Сергея Трофимова. Она действительно исчезла со стоянки, хотя не выезжала за ворота. Дежурный охранник готов был присягнуть на всех священных книжках разом, включая собственную сберегательную! Администрация комплекса скрепя сердце вынуждена была признать факт пропажи со стоянки автомобиля гостя и вызвать милицию.

– Гибэдэдэшники сейчас работают на стоянке, а мы с ребятами договорились пробежаться по территории и поискать Серегину машину по закоулкам, – сообщил Моржик, жадно заглатывая завтрак.

Оглядев ресторанный зал, я насчитала с десяток мужчин, принимающих пищу с неприличной поспешностью. Это и были Моржики «ребята» – отдыхающие, прибывшие в пансионат на личном транспорте и организовавшие перед лицом угрозы угона некое братство автовладельцев.

Кое-как напившись, Моржик, провожаемый тоскливым взглядом Ирки, отправился с товарищами в поисковую экспедицию, а мы неторопливо закончили завтрак и переместились к бассейну. День, как и обещали синоптики, выдался теплый, солнечный, но море после вчерашнего шторма было такого же цвета, как пенная лужа на разбитом проселке, и не вызывало желания плескаться в волнах. Бассейн казался существенно гигиеничнее.

Отдыхая, я одним глазом присматривала за Масяней, а вторым за Коляном – и еще неизвестно, за кем я наблюдала внимательнее! Муж вел себя совершенно безукоризненно, на посторонних женщин не заглядывался, с блондинками не обнимался. Мне заметно полегчало. Мы с Иркой обсудили ситуацию и постановили считать мои ночные страхи необоснованными.

К вопросу о страхах и опасениях я упомянула о пропаже Иркиного одеяла, но подруга меня успокоила. Оказывается, она не просто так шумела в ночи, когда я уже легла в постель, а сбегала вниз и подобрала на клумбе свою беглую попону.

– К счастью, мне повезло: я вошла и вышла беспрепятственно. Наружная дверь корпуса была закрыта изнутри на самую обыкновенную задвижку, – сказала Ирка. – Будь там электронный замок, пришлось бы будить дежурную в ее камере и просить магнитную карточку!

– Выходит, повезло не только тебе, но и дежурной, – заметила я. – Мало ей Сергея Трофимова с его замками и звонками, так еще ты явилась бы среди ночи!

У господина Трофимова, похоже, была удивительная манера появляться, едва назовут его имя. Стоило мне помянуть его, как он нарисовался за ограждением бассейна в сопровождении сотрудника ГИБДД. Мужчины деловито проследовали куда-то в сторону набережной.

– Может, Сережину машину утопили? – оживилась Ирка.

– Зачем кому-то топить новую «Нексию»? – удивилась я.

– А просто так! Из вредности и зависти!

Я внимательно посмотрела на подружку:

– Ты имеешь в виду классовую вражду пешеходов и автовладельцев, описанную еще Ильфом и Петровым?

– Это те, которые про стулья писали? – проявила похвальную эрудицию Ирка. – Молодцы, проницательные ребята! Я думаю, какой-нибудь юноша, страстно мечтающий о четырехколесном друге, мог угнать трофимовскую «Нексию» просто для того, чтобы покататься, а потом утопил ее в море.

– Сбросил со Скалы Ревнивицы? – ехидно спросила я.

– Ой, кстати, о Скале Ревнивицы! – всполошилась Ирка. – Мы же так и не узнали, состоялось ли самоубийство!

Она с намеком посмотрела на меня, и я покорилась:

– Ладно, схожу узнаю новости.

– За Колей я пригляжу! – пообещала Ирка.

– За двумя! – поправила я, имея в виду, что присматривать надо и за Масяней, и за его папочкой. На всякий случай, мало ли! Вдруг опять объявится прилипчивая блондинка!

Ирка понятиливо кивнула. Я встала с шезлонга, на котором возлежала, комфортно греясь под нежарким октябрьским солнышком, и огляделась.

Экскурсовод Анна Алексеевна как раз раскладывала на своем столике в углу площадки глянцевого буклеты.

– Вот кто мне нужен! – сказала я себе и подошла поближе. – Бог в помощь! Есть ли новости со Скалы Ревнивицы?

– К счастью, нет! – Женщина вздрогнула и судорожно дернула рукой, словно хотела перекреститься, но в последний момент удержалась.

– Что, самоубийцу так и не нашли? – понизив голос, спросила я прямым текстом.

– Нет! И, надеюсь, не найдут! – нервно ответила Анна Алексеевна.

– А ищут ли? В милицию заявили?

– Конечно, нет! Милиция принимает заявления о пропаже людей только через трое суток, к тому же – не от кого попало, а только от встревоженных родственников. Тут ситуация другая, у нас никто не терялся, просто брошенные кем-то вещи сами собой обнаружились, а с этим обращаются не в милицию, а в бюро находок. – Анна Алексеевна говорила так горячо, словно хотела убедить в справедливости сказанного не только меня, но и саму себя. – Наша администрация склонна считать, что вчерашняя тревога была ложной. Во всяком случае, достоверно установлено, что все гости пансионата живы и здоровы, никто не пропал.

– Никто? – Я огляделась.

Лично мне со вчерашнего дня не попадалась на глаза мультипликационная блондинка, но я об этом несколько не жалела. Человеконенавистничество мне чуждо, но, если бы суицидальное настроение охватило не кого попало, а конкретно эту особу, я бы не стала особенно переживать. Впрочем, не было никаких оснований думать, будто несимпатичная мне белобрысая девица наложила на себя руки. Помнится, в лифте она топталась с полнозубой крокодилей улыбкой на устах, явно предвкушала что-то приятное!

– Думаешь, если она улыбалась, значит, не могла покончить с собой? – возразила Ирка, с которой я поделилась информацией, полученной от Анны Алексеевны, и своими соображениями. – Вспомни Афалину!

– При чем здесь афалина? – удивилась я.

– Она ведь улыбалась, когда топилась!

Я уставилась на подружку выпученными рыбьими глазами. О чем это она говорит? Может, успела посетить одну из местных достопримечательностей – дельфинарий? Морды у дельфинов и в самом деле улыбочивые, но глагол «топиться» применительно к дрессированной афалине вовсе не кажется мне подходящим. Да что это за дельфин такой плохонький, который топится в процессе представления? Одноразовый, что ли?!

– Дорогая, ты ничего не путаешь? – на всякий случай уточнила я. – Афалина – это черноморский дельфин!

– Ты шутишь? – Ирка тоже сильно удивилась. – Выходит, подружку Гамлета назвали в честь рыбы?!

– Афалина – это млекопитающее! – смешливо захрюкала я, искренне радуясь комичным ошибкам подружки.

– Ой, да плевать мне на ее диету! – Ирка обиделась. – Молоком она питается или бубликами, какая разница?! Главное, я точно помню: в пруд девчонка лезла, сияя, как весеннее солнышко!

– Это была Офелия! Офелия, а не Афалина!

– Это неважно! Главное, она улыбалась! – продолжала настаивать на своем упрямица.

– Потому что спятила! – Я покрутила пальцем у виска.

– Вот и со мной будет то же самое! – вздохнула Ирка.

– Ты тоже утопишься? – слегка испугалась я.

– Нет, я тоже сойду с ума! Ты меня сведешь!

– Я?! – от такой наглости я потеряла дар речи.

Ирка этим воспользовалась и забубнила:

– И путает меня, и путает! Офелия – это не афалина, и обе они не рыбы, хотя одна тонет, а другая нет, а кто улыбается – тот чокнутый, у меня уже мозги набекрень! Чииз! – И подружка жутко оскалилась, изображая в высшей степени ненормальную улыбку.

– Жуть какая! – содрогнулась я. – Ирка, тебе надо больше отдыхать! Может, останешься в пансионате еще на день-другой? Укрепишь нервную систему морскими ваннами и прогулками.

– Мы идем на прогулку? – живо обрадовался Колян.

За дурацким разговором мы с Иркой не заметили, что он вынырнул из бассейна и пришлепал к нам.

– На прогулку, на прогулку! – завопил Масяня и от полноты чувств длинной очередью от живота расстрелял всю нашу компанию из водяного автомата.

Я вопросительно посмотрела на подмоченную Ирку. Подружка не большая любительница ходить пешком. Она даже в магазин, расположенный за квартал от ее дома, отправляется на машине. Это про таких, как она, сказала в «Бриллиантовой руке» героиня Мордюковой: «Наши люди в булочную на такси не ездят!»

– Ладно, пойдем на прогулку, – неохотно согласилась Ирка, убрав с лица мокрые пряди волос. – Только, чур, ненадолго! Не пропустить бы обед.

– В этом никто из нас не заинтересован, – успокоил ее Колян. – Ну, куда мы идем?

– В лес! – предложила я, облакав долгим взглядом окрестные холмы в золотом осеннем убранстве.

Мы переоделись, забросили в номер купальные принадлежности, прихватили фотоаппарат, сухой паек в виде пачки печенья и пакета пряников и отправились в поход. Вышли за территорию пансионата и прямо с набережной поднялись по крутой тропинке на лесистую горюшку.

В лесу было сказочно красиво, только немного сыро после ночного дождика. Зато повышенная влажность способствовала бурному росту грибов, так что Колян с Масяней нашли себе увлекательное и полезное занятие. Они шуршали в подлеске, как пара голодных ежей, и сообщали нам с Иркой о своих успехах такими громкими криками, что я только удивлялась – кто это придумал назвать грибную охоту «тихой»? Причем с каждой найденной сыроежкой грибники бежали к нам, чтобы сфотографироваться со своей добычей. Я порадовалась, что фотоаппарат у нас не пленочный, а цифровой, с гигабайтной карточкой памяти, позволяющей сделать практически неограниченное количество снимков. Сыроежек и лисичек в лесу было значительно больше, чем кадров на обычной фотопленке.

Ирку грибы не особенно интересовали, она вела активный поиск такого подножного корма, который можно было бы употребить в пищу сразу, без предварительной кулинарной обработки, и зорко высматривала на кустах орехи и ягоды. Фундуком и твердыми плодами шиповника подружка набивала карманы жакета, а кизил и барбарис съедала немедленно. И так увлеклась, что чуть не налопалась волчьих ягод!

– Не ешь! – Я вовремя стукнула обжору по руке, помешав ей засунуть в рот пригоршню растительной отравы.

– Козленочком стану? – съязвила недовольная подружка.

– Да нет, просто помрешь.

– Ух ты! Вот здорово! Хочу! – восхищенно выдохнула дурочка.

Это заявление вновь заставило меня всерьез обеспокоиться состоянием ее рассудка, но тут же выяснилось, что бешеный восторг у Ирки вызвала не перспектива досрочно перейти в мир иной, а роскошный куст боярышника, густо усыпанный круглыми красными плодами. Подружка возжелала сломать красивую ветку и отважно полезла за ней сквозь колючки и валежник.

Самая красивая ветка, как водится, оказалась наверху, но Ирка не сплеховала, забралась на близлежащее поваленное дерево и дотянулась до вожаемой ветки в высоком прыжке. Глядя на то, как она скачет по мшистому стволу, словно безумный бурундук, я вскинула фотоаппарат. Тут и сама Ирка как раз закричала:

– Сними-ите меня-а!

– Сей момент! – пообещала я, старательно прицеливаясь.

Щелкнула камерой и за мгновение до вспышки успела увидеть, как попрыгунья-подружка оскальчивается и кособоко валится с бревна.

– Мне кажется, Иришка просила нас снять ее с коряги! – с запозданием подсказал мне подоспевший Колян.

Я машинально посмотрела на экран камеры, где застыла цветная картинка, запечатлевшая Ирку в недолгом, но эффектном полете. Вскинув руки, подружка валилась со своего спортивного бревна под углом градусов в тридцать. Фигура гимнастки вышла нечеткой, зато боярышник получился замечательно, можно было разглядеть каждую отдельную красную ягодку. Примечательно, что размазанная, как овсянка, Ирка оказалась на заднем плане, в падении спикировав за куст.

– Сохрани снимок! – посоветовал Колян и без промедления полез по завалам, спеша оказать помощь пострадавшей.

– Куда папа пошел? – забеспокоился Масыня.

– Папа пошел помочь тете Ире, она упала в канавку, – нарочито спокойно ответила я.

– Баловалась? – сочувственно спросил малыш.

Я не успела ответить. Из-под раскидистого куста в красном ягодном убранстве, пугающе шурша листьями, вылезла на четвереньках наша баловница тетя Ира. На щеке у нее багровела свежая царапина, в растрепанных волосах, образовав подобие засохшего лаврового венка, во множестве запутались опавшие листья, медная пуговица на жакете оборвалась и повисла на ниточке, как медаль.

– Я в порядке! – заявила подружка, жестом остановив пробирающегося к ней Коляна.

С учетом ее внешнего вида поверить в сказанное было трудно. На соседней с нами улице живет безобидная полоумная побирушка средних лет, так Ирка сейчас походила на нее, как сестра-близняшка! Довершил клиническую картину тихого помешательства крайне неуместный в сложившейся ситуации поступок: едва Ирка вылезла из оврага, как ей приспичило поговорить по телефону!

Мы с Коляном переглянулись. Муж сделал большие глаза и выразительно покрутил пальцем у виска.

– Сам дурак! – грубо обругала его приметливая Ирка. И деловито сказала в трубку: – Милый, у меня к тебе вопрос. Расскажи, какая машина у Трофимова.

– Какие необычные у тебя интересы, Ирусик! – молвил Колян, бочком-бочком приближаясь к сумасшедшей.

– Необычные и неожиданные! – добавила я.

Ирка покосилась на нас, но ничего не сказала, внимательно выслушала ответ Моржика и спросила еще:

– А награду тому, кто найдет пропажу, случайно не обещали?

Мы с Коляном снова переглянулись, но уже с другим чувством.

– Неужели? – недоверчиво пробормотала я.

А мой смысленный муж изменил направление движения и шустро погреб сквозь листовые сугробы к оврагу, на краю которого притулился злополучный боярышниковый куст.

– Детка, посиди тут, покушай печенье! – торопливо сказала я Масыньке.

– Сядь на пенек, съешь пирожок! – вспомнив сказку, малыш послушно опустился на пенек и захрустел предложенным угощением.

Я влезла на ствол поваленного дерева, пробежалась по бревну и с него, как с мостика, заглянула в овраг. Он оказался неожиданно глубоким и несимметричным: с нашей стороны спуск был пологим, укрытым листвой, а вот противоположный чернел земляной осыпью, и по нему змеились обнажившиеся корни низкорослого кустарника, образующего на краю обрыва подобие живой изгороди. В одном месте она зияла широкой сквозной пробоиной.

А на дне оврага дохлым жуком лежал сгоревший автомобиль.

– Это «Нексия»? – с сомнением спросила я.

Аварийный транспорт мало походил на новую иномарку. В его внешности было гораздо больше общего с помятым мусорным контейнером.

– Гибэдэдэшники разберутся, «Нексия» это или нет, – рассудительно ответил Колян. – Меня больше другое волнует. Как думаешь, машина сама по себе в овраг слетела или с водителем? Сдается мне, горе-угонщик не успел выбраться!

– Пусть с этим тоже разбираются гибэдэдэшники! – Я вздрогнула.

– Пусть, – охотно согласился Колян.

Нас, конечно, разбирало любопытство, но не настолько сильное, чтобы лезть в овраг и изучать содержимое покоренного авто. Мы ограничились тем, что оставались на месте происшествия до прибытия оповещенных Иркочкой через Моржика гибэдэдэшников.

Специалисты подтвердили наши предположения. Во-первых, сгоревший автомобиль и в самом деле оказался «Нексией» Сергея Трофимова. Во-вторых, угнавший транспорт любитель быстрой езды действительно слетел в овраг вместе с машиной и в результате отправился в куда более далекое, а главное – безвозвратное путешествие, нежели собирался.

Впрочем, узнать, каковы были планы угонщика, уже не представлялось возможным. Ясно было только то, что он собирался вывести машину за пределы территории пансионата и воспользовался для этого заброшенной дорогой. До возведения в данной местности гостиничного комплекса она соединяла с трассой турбазу, от которой остались одни воспоминания. Хранили эти воспоминания, главным образом, жители соседнего поселка. По всей видимости, неудачливый угонщик был из их числа.

В пансионат мы вернулись переполненные впечатлениями и перегруженные дарами природы. Масыня нес пакет из-под пряников, в который они с папочкой сложили собранные в лесу сыроежки. Колян тащил самого Масыню. Ирка на ходу придерживала руками оттопыренные карманы, набитые орехами, каштанами и шиповником. У меня руки тоже были заняты: я держалась ими за голову, которая пухла от невысказанных вопросов и разного рода соображений, из коих наиболее отчетливым было следующее: ну и отдохнули же мы у моря! Как это выразился вчера Моржик? «Тихий, мирный уик-энд!»

Ха-ха-ха!

Право, лучше бы я сходила в кино на модный ужастик!

4

Поздно вечером, уже в полной темноте, мое семейство выгрузилось из машины друзей у подъезда нашего дома. Ирка и безлошадный ныне Сергей Трофимов, которого Максимовы великодушно согласились подбросить в город, помахали нам ручками, Моржик посигналил, и утомленный «Пежо» покатил дальше.

– Боже, до чего же хорошо дома! – простонал Колян, шумно обрушившись на диван.

Сверху на него с радостным гиканьем прыгнул Масыня. Он единственный не выглядел и не чувствовал себя усталым.

– Ты с кем разговариваешь? – спросила я супруга.

– С тобой, – немного удивленно ответил Колян.

– Так, значит, это я твой боже? – обрадовалась я.

Приятно, когда тебя ценят по достоинству!

– Ты божество-о, ты мой кумир! – оперным басом взревел в ответ галантный супруг.

Чувствовалось, что принудительный массаж, который организовал папочке скачущий по его спине сынишка, заметно его взбодрил. Я оставила Коляна и Масыню заниматься лечебной физкультурой и пошла готовить поздний ужин. Помнилось мне, что в морозилке обрастает снегом пачка полуфабрикатных пельменей. Не самая лучшая еда, но в качестве перекуса на скорую руку вполне сойдет.

Вода в кастрюльке только-только вскипела, как в дверь постучали. Стук был решительный, если не сказать – грубый.

– Кыся, открой! – крикнул из комнаты Колян. – У меня руки заняты!

У меня в этот момент руки тоже были заняты – пачкой полуфабрикатных изделий, но я быстро освободила их, высыпав камушки пельменей в бурлящую воду, и пошла в прихожую, мимоходом заглянув в комнату и увидев Коляна в стойке на руках. В этой позе выполнять функции привратника действительно крайне затруднительно!

Я открыла дверь и увидела за ней незнакомую женщину, похожую на особо крупного пряничного человечка. На его изготовление ушло не меньше центнера сырого теста, причем повар использовал только ржаную муку, а сахара пожалел: лицо великашны было темным, пухлым, ноздреватым, а выражение его – чрезвычайно кислым.

Сказочная красота незнакомки так меня поразила, что я спросила с несвойственной мне церемонностью:

– Что вам угодно, мадам?

– Я порты ищу! – мрачно рыкнула пряничная гигантша.

Голос у нее тоже был сказочный, настоящий драконий рев.

– Порты? – повторила я.

И тут же вообразила себе шумный морской порт – с танкерами и сухогрузами на рейде и у причалов, с могучими кранами, легко поднимающими железнодорожные контейнеры и штабеля бревен. Пряничная незнакомка вписывалась в эту картину идеально. Ей было самое место в трюме зерновоза или на его же палубе, на куче мешков с мукой, под кумачовым транспарантом с надписью: «Гуманитарная помощь голодающему населению Черного континента!» Может, сдобная великанша для того и ищет порт, чтобы внести свой вклад в решение проблемы питания какого-нибудь африканского племени? По методу капитана Кука, я имею в виду? Если в Африке не перевелись людоеды, они будут очень рады.

Незнакомка не показалась мне симпатичной, поэтому я не видела повода препятствовать ее благородному самоубийственному порыву. Вспомнила географию и любезно сообщила ей:

– Ближайший морской порт – Туапсинский. Это на Черном море, а на Азовском – Порт-Кавказ, он тоже достаточно близко.

– Вы что, издеваетесь?! – сердито гаркнула незнакомка. – Я спрашиваю вас, где порты! «Похоже, сумасшедшая!» – испуганно подумала я.

На тот случай, если сумасшедшая нас посетила не простая, а буйная, я попятилась.

– Кыся, что тут такое? – На шум голосов из комнаты вышел встревоженный Колян.

Не на руках вышел, а нормально, на нижних конечностях. Это меня порадовало: если пряничная идиотка вздумает буянить, Колян освободившимися руками ее придержит. Я немного посторожилась, открывая супругу вид на незваную гостью и оперативное пространство, и объяснила:

– Вот тут женщина не может найти порты, просит ей помочь!

– А чего их искать-то? – Муж-программист искренне удивился глупому вопросу. – Посмотрите на свой бачок, если спереди ничего нет, тогда в заднице поищите!

– Чего, чего-о-о?! – опасно багровея, угрожающе протянул гигантский пряник в юбке.

– А вы, вообще, какое внешнее железо воткнуть хотите? – Колян честно старался помочь, но гостя, похоже, не понимала его профессионального жаргона и воображала какие-то непристойности. – Какие вам порты нужны – юэсбишные, оптические, последовательные или параллельные?

– Трикотажные! – гневно гаркнула баба. – Розовые трикотажные порты с начесом, почти совсем новые, всего один раз надеванные!

Колян удивленно моргнул и разинул рот. По его ошарашенному лицу было видно, что он очень старается представить себе компьютерный порт из розового трикотажа с начесом, но никак не может и тоже не прочь узнать, где можно найти такое чудо.

– Женщина, да вы о подштанниках говорите, что ли? – с запозданием смекнула я.

– А то о чем же? Конечно, о портках! – с достоинством подтвердила гостя, сердито сверкнув глазами на Коляна, физиономия которого расплывалась в широкой умиленной улыбке. – Куда вы их подевали? Коли случайно с веревки сняли, так признайтесь и верните по-хорошему, а не то я в милицию заявлю, будете тогда отвечать за покражу моего личного имущества по всей строгости закона!

– У вас пропали подштанники, которые вы повесили сушиться на веревку во дворе? – Я терпеливо выясняла причину скандала, стараясь не отвлекаться на веселое хрюканье Коляна. – И вы думаете, что это мы их сняли?

– Конечно! – убежденно кивнула гостя.

– А зачем нам могли понадобиться ваши порты? – с интересом спросила я упертую женщину, имея в виду значительную разницу в наших габаритах.

– У нас и своих портов немало: и юэсбишные, и оптические! – радостно подсказал Колян.

Он оставил попытки сдерживать смех, громогласно захохотал и убежал в комнату, где, судя по характерным звукам, снова рухнул на диван и спрятал физиономию в диванных подушках.

– Это что, не ваше? – Баба продемонстрировала зажатые в кулаке вещицы – футболку и шортики моего сынишки. – Я свои порты аккуратно между ними повесила! И где они теперь?

– А я почему знаю? – начала сердиться я. – Я ваши портки не трогала! Я, как видите, и наши-то вещи забыла снять с веревки, они там двое суток висели, аж с пятницы! Мало ли кому могло приглянуться ваше розовое дезабилье!

– Это точно, – неожиданно успокоившись, согласилась со мной пряничная женщина. – Порты были шикарные, такие кто угодно сопрет на раз-два-три! Эх, дала я маху! Надо было в доме повесить, да хотелось, чтобы протряхли на свежем воздухе. Под окном прицепила, думала – услежу... Ладно, извиняйте, если я на вас напрасно накинулась, давайте мирно жить, раз уж теперь вроде как соседями будем!

Баба тяжело вздохнула, повернулась и шагнула за порог.

– Пойдите! – крикнула я вслед. – Как это – соседями? Я вас не знаю!

– Матрена я, – пряничная женщина остановилась на первой ступеньке лестницы и неловко шаркнула ножкой, обутой в чистую калошу. – Матрена Афиногеновна. Я в восьмой квартире жить буду, она мне после племяша в наследство осталась.

– Так вы тетя Балды?! – сообразила я. – В смысле, покойного Игоря Набалдашкина?

– Набалдашкина Матрена Афиногеновна, – чин-чином представилась новая соседка.

– А меня Леной зовут, – пробормотала я ей в спину, закрыла дверь и вернулась в квартиру, задумчиво почесывая в затылке.

– Кто была эта колоритная особа? – спросил Колян, оторвавшись от книжки, которую он начал читать Масыне.

– Тетя Балды, царство ему небесное, – коротко ответила я. – Набалдашкина Матрена Афиногеновна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.